

A digital illustration of a young man with wavy brown hair, wearing a dark green jacket over a mustard yellow t-shirt. He is looking upwards with a thoughtful expression. The background is a fantastical, glowing city street at night, with ornate buildings, warm golden lights, and a large, ornate cathedral in the distance. The sky is a mix of blue and purple hues with some light streaks. The overall style is painterly and atmospheric.

Факультатив по переходу между мирами

Альберт Иванов

Альберт Иванов

**Факультатив по переходу
между мирами**

«Издательские решения»

Иванов А.

Факультатив по переходу между мирами / А. Иванов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-670253-0

Первая книга цикла «Факультатив» раскрывает дверь в мир, где магия заперта в кристаллах, а небо бороздят исполинские воздушные шары. Красота этих земель обманчива: древнее пророчество грозит миру гибелью. Школьник из нашего мира случайно оказывается в эпицентре охоты за легендарным кристаллом, где тайная полиция охотится за контрабандистами, а правители плетут интриги. Чтобы выжить, ему придётся найти собственный путь между страхом и совестью.

ISBN 978-5-00-670253-0

© Иванов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Побег	6
Глава 2. Карман шарлатана	16
Глава 3. Верьял	26
Глава 4. Капитан тайной полиции	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Факультатив по переходу между мирами

Альберт Иванов

© Альберт Иванов, 2025

ISBN 978-5-0067-0253-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Побег

Пустые школьные коридоры были наполнены гулким эхом, которое усиливало любой звук и разносило его по всему зданию. Каждое прикосновение подошвы потертых старых кедров к кафельной плитке было похоже на нечто среднее между громким хлопком в ладоши и звуком, с которым камень падает в воду. С такой акустикой его преследователям не составляло труда определить, где он сейчас находится. Прятаться было уже поздно, эта опрометчивая попытка побега, казалось, была ошибкой.

«Почему я не спрятался раньше?» – думал он, отчаянно ругая себя за то, что переоценил свою физическую форму и недооценил выносливость своих преследователей. Дыхание сбивалось, легкие горели, а они все еще были полны сил и даже умудрялись выкрикивать оскорбления, не снижая темпа.

– Слабо в лицо повторить то, что Машке писал?! Кого ты там неандертальцем назвал?! – раздавался за спиной гневный голос Артура, с растянутыми гласными и грубой «р». – Давай разберемся по-мужски! Почему бегаешь, как девчонка?!

Артур бежал не один – с ним были три его приятеля, верные «гончие», чья задача заключалась в том, чтобы загнать жертву в угол. Кирилл понимал, что даже один на один у него не было шансов против Артура, а уж с его друзьями тем более. Это немного смягчало чувство пренебрежения к самому себе за трусость, но не избавляло от него полностью.

Кирилл всегда предпочитал компьютерные игры спортивным, а уроки математики любил куда больше физкультуры. Возможно, одноклассники за глаза называли его ботаником, хотя ему не хотелось в это верить. В лицо его так не называли – не из-за страха или уважения, а скорее потому, что не хотели потерять удобный источник для списывания домашних заданий. Ему хотелось верить, что, хотя он и не самый популярный мальчик в школе, его все равно многие любят за доброту и отзывчивость. Иногда он даже смешно шутил, а глядя в зеркало, порой казался себе симпатичным. Некоторые черты его внешности напоминали тех знаменитостей – актеров и поп-звезд, в которых часто влюблялись девчонки. Иногда ему казалось, что некоторые одноклассницы, которые ему нравились, тоже проявляли к нему интерес. Но теперь жизнь открыла ему глаза на то, как сильно он заблуждался.

Ее звали Маша. Они учились в одном классе, и ему казалось, что он был влюблен в нее столько, сколько себя помнил. Иногда чувства ослабевали, но потом вновь вспыхивали с новой силой. С начальной школы он проявлял к ней знаки внимания: помогал с домашкой, носил ее рюкзак и сменку, провожал до дома. Ему всегда казалось, что, даже если у нее нет к нему взаимных чувств, то, по крайней мере, он может считать ее своим другом и делиться с ней секретами, не боясь, что она кому-то проболтается. Во всяком случае, она сама иногда делилась с ним своими тайнами, и у него никогда даже в мыслях не было рассказать их кому-то постороннему.

Оказалось, что того же о ней сказать было нельзя. Несколько месяцев назад Маша начала встречаться с Артуром. Артур учился на год старше и учился неважно, зато был спортсменом. Надо отдать ему должное: выглядел он действительно спортивно и явно старше своих лет. Он был почти на две головы выше и вдвое шире Кирилла в плечах. Занимался то ли боксом, то ли каратэ, играл в футбол и волейбол – казалось, он записался на все спортивные кружки школы. Вел он себя как настоящий альфа-самец: унижал слабых, красовался перед девчонками, окружал себя друзьями, которые всегда были готовы поддержать его. Кирилл никогда не высовывался и уж тем более не пытался бросать вызов таким, как Артур. Он не претендовал на роль лидера, его устраивало быть хорошим парнем, которого ценят за доброту и отзывчивость, а не боятся за силу. Но это не мешало ему про себя посмеиваться над Артуром и ему

подобными. Кириллу казалось невероятным, что в 21 веке можно на кого-то произвести впечатление поведением, характерным для самцов приматов. Как же он ошибался.

Именно такое поведение, а не ухаживания и забота, проявляемые с начальных классов, завоевывают сердца красавиц. Поначалу Кирилл просто отказывался верить своим глазам, когда увидел, как Артур и Маша целуются на перемене в школьной столовой. Затем, когда доказательств стало больше и от них уже нельзя было отмахнуться, он начал строить различные теории, объясняющие происходящее. Он думал, что Маша поспорила с кем-то на большие деньги, что сможет продержаться в отношениях с Артуром больше дня, или что Артур обманул ее, «заморочил голову», как говорили родители Кирилла. Последняя теория казалась наиболее правдоподобной.

В этой ситуации, как человеку, которому небезразлична судьба Маши, Кириллу не оставалось ничего, кроме как попытаться открыть ей глаза. Нужно было действовать аккуратно: меньше всего ему хотелось, чтобы Маша решила, что он из ревности пытается поссорить ее с Артуром. Он начал ненавязчиво переписываться с ней, поначалу интересуясь ее увлечениями, а потом, как бы невзначай, спрашивал о интересах Артура, постепенно выводя картину несовпадающих людей. Но на Машу это не производило никакого впечатления, и в какой-то момент Кирилл не выдержал и выложил все карты на стол.

Он откровенно и честно, как это бывает между друзьями, поделился с Машей своими опасениями. Сказал, что она – одна из самых милых и умных девочек в школе, и он просто не понимает, как ей может нравиться такой человек, как Артур. Сказал, что очень за нее переживает и просто хочет, чтобы у нее все было хорошо. Написав это, он с замиранием сердца ждал ответа. Ему казалось, что прошли миллионы лет, пока он наблюдал надпись «печатает...» рядом с ее именем.

Кирилл был готов к худшему – к обвинениям в том, что он хочет разрушить ее счастье, к презрительно-снисходительному ответу, суть которого сводилась бы к тому, что он ревнивый неудачник. Но Маша написала, что он очень милый, она ценит их дружбу и благодарна за его заботу, но у нее все хорошо и нет поводов для беспокойства. Она счастлива, а Артур хороший и любит ее. Это было вчера...

А сегодня Кириллу предстояло на собственной шкуре узнать, какой же Артур «хороший», а именно – какой он хороший боксёр или каратист, чем бы он там ни занимался. «Как она могла... Как она могла предать нашу дружбу? Как она могла написать такое трогательное письмо с благодарностями, а потом цинично переслать мои сообщения своему возлюбленному?» – мысли вихрем проносились в голове Кирилла. Он не мог поверить, что Маша так наплевала на его чувства. Судя по крикам, которые доносились из-за спины, Артур знал всю их переписку до мельчайших подробностей. Это не могло быть случайностью. Она сделала это специально и не могла не знать, что Артур сделает с Кириллом, когда об этом узнает. Значит, она хотела, чтобы его сегодня избили. «Если она этого хотела, пусть так и будет. Пусть будет довольна. Я же всегда стремился ей угодить», – с горечью подумал Кирилл.

Тяжелый ком подступил к горлу, и ему стоило титанических усилий сдержать слезы. Он не мог позволить себе плакать. Он знал, что если Артур увидит его слезы, то только усилит насмешки, приняв это за проявление слабости. Кирилл твёрдо решил, что, если ему сегодня суждено быть избитым, он примет это с гордо поднятой головой и не даст обидчикам дополнительного повода для радости.

Теперь ему хотелось быть больше, чем просто хорошим и добрым парнем, которого все используют. Ему хотелось быть смелым, храбрым, сильным – тем, кто способен дать отпор, кто готов взглянуть страху в лицо. С этими мыслями он бежал вниз по лестнице и уже готов был остановиться и встретить свою судьбу, но тут осознал, что преследователи совсем близко. Из их уст теперь неслись сплошные оскорбления и обещания сделать с ним что-то ужасное. Он представил, как его истязатели будут снимать все на камеру, и о его унижении узнает вся школа. В этот момент страх снова победил, и Кирилл побежал еще быстрее.

Выскочив с лестницы на второй этаж, он бросился по коридору к дальнему выходу из школы. Но тут из-за угла, с дальней лестницы, выскочили двое приятелей Артура. Сначала он не поверил своим глазам, но через секунду понял: они разделились и окружили его. Оглянувшись назад, он увидел, что с другой лестницы уже выходят в коридор Артур и третий дружок. Кирилл остановился, судорожно оглядываясь по сторонам. Ближайшие двери вели в кабинеты – все они в такое время точно закрыты.

Но чуть дальше по коридору виднелась дверь в спортзал. Иногда его оставляли открытым, чтобы ученики могли потренироваться после уроков. Похоже, это был его последний шанс. Требовалось собрать остатки сил для последнего рывка. План родился сам собой: добежать туда быстрее преследователей и попытаться забаррикадироваться внутри. А там уже можно подумать о побеге через окно или позвонить кому-нибудь за помощью. Главное, чтобы дверь была открыта, иначе все пропало...

Кирилл глубоко вздохнул и бросился вперед, чувствуя, как сердце стучит в груди словно барабан. Преследователи кричали что-то невнятное, но он уже не обращал на них внимания. Весь мир сузился до единственной цели – двери спортзала. Метров десять, пять... Он почти

достиг ее, когда заметил, что ручка двери опущена. «Пожалуйста, пусть будет открыто!» – мысленно взмолился он.

Дернув дверь на себя, он с облегчением почувствовал, как она поддается. Кирилл влетел внутрь и захлопнул дверь за собой, сразу же нащупывая задвижку. Щелчок замка показался ему самым приятным звуком на свете. Снаружи послышались удары и возмущенные крики.

– Открой дверь, трус! – раздавался голос Артура. – Думаешь, спрятался и все?

Кирилл отошел от двери, пытаясь успокоить дыхание. Огромный зал казался пустым и холодным. Высокие окна пропускали тусклый свет уходящего дня. Он огляделся в поисках выхода. Окна были слишком высоко, а запасной выход, вероятно, заперт.

«Что же делать?» – подумал он, чувствуя, как паника вновь накатывает горячей волной, словно поднимающаяся в груди лавина страха. В этот момент его взгляд упал на две странные зеленые точки, мерцавшие в темноте противоположного угла спортзала. Поначалу Кирилл не мог понять, что это за светлячки, будто кто-то поставил там крошечные зеленые фонарики для подсветки. Но стоило глазам немного привыкнуть к полутьме, как он различил обрамляющий их силуэт. Это не просто игра теней – перед ним был кот. Точнее, это был сам Васька, известный всем школьный любимец, обычно вечно сонный и безразличный к окружающей суе. Сейчас же он сидел в дальнем углу спортзала и, казалось, внимательно изучал что-то лежащее на полу. Он вел себя так сосредоточенно, будто исследователь, нашедший редкий артефакт. В то же время кот, похоже, даже не замечал Кирилла или не считал нужным реагировать на его присутствие. А может, и замечал, но не придавал этому никакого значения. Закончив свой немой осмотр, Васька без спешки поднялся, прошел к противоположному углу, совершенно игнорируя драму, разыгрывающуюся возле двери, скрипящей и ходящей ходуном под ударами и криками Артура и его дружков, готовых вот-вот ворваться внутрь.

Кириллу, по всем разумным законам здравого смысла, следовало бы поскорее искать выход или, по крайней мере, запереться как можно надежнее. Страшные звуки, доносящиеся снаружи, говорили о том, что времени у него почти не осталось. Но вместо того, чтобы придумывать план спасения, он, как замороженный, наблюдал за Василием. Казалось нелепым: кот, ничего особенного не делающий – просто ходит, смотрит на пол, явно занят какой-то чепухой – и все же притягивает к себе внимание. Никакого рационального объяснения тут не было, и Кирилл даже ругал себя за свою непонятную любознательность. Но внутреннее чутье подсказывало, что происходящее совершенно не случайно.

Дома у мальчика жил кот по имени Пантелей, и Кирилл привык часами разглядывать его повадки. Он следил за тем, как Пантелей умывается, как лениво потягивается после сна, с каким вниманием охотится за играющей на свету пылинкой. Иногда, как настоящий натуралист, он, затаившись, наблюдал за котом так, чтобы тот не подозревал о зрителе. Со временем Кирилл достиг настоящего мастерства в понимании кошачьего языка движений и привычек. Именно этот опыт сейчас помог ему уловить какие-то странности в поведении Васьки. Вроде бы тот просто ходил по залу, но в его походке была уверенность, что-то неуловимо необычное было в его поведении. Это не был обычный кот, бесцельно слоняющийся в поисках еды или места для сна. Кирилл боялся признаться себе, но у него все крепла уверенность: кот что-то задумал.

Подтверждение странной догадки не заставило ждать. Пройдя еще немного вдоль стены к противоположному углу, Васька остановился и стал подозрительно оглядываться, точно проверяя, нет ли лишних свидетелей. Кирилл, затаив дыхание, прижался к стене, сам поражаясь абсурдности того, что его может обнаружить кот. Но, как ни странно, Васька его не заметил – или сделал вид, что не заметил. Убедившись в безопасности, кот, словно самый обычный человек, поднялся на задние лапы и передними потянул за ручку небольшой неприметной двери. Та поддавалась, и Васька, не колеблясь ни мгновения, вошел внутрь подсобки спортзала. Кирилл застыл, ошарашенный, не веря своим глазам. Как такой обычный ленивый кот вдруг проделал

подобный трюк? Никто не дрессировал Ваську – он был известен только тремя состояниями: есть, спать, переходить с места на место. И вот теперь эта невиданная сцена заставляла мозг Кирилла работать на пределе. Тем временем грохот выбиваемой двери напомнил о реальной опасности. Мальчик очнулся от оцепенения и бросился вслед за Василием.

Кириллу показалось, что он только что поставил рекорд на стометровке, добежав от входа до подсобки за считанные секунды. «А что, если Васька еще и запер дверь с той стороны?» – мелькнула в его голове безумная мысль, хотя, после увиденного, Кирилл уже ничему не удивился бы, однако надежда не оставляла его. Мальчик заставлял себя думать, что сегодня ему везет, если можно было так сказать, учитывая обстоятельства, в которых он оказался, в конце концов, дверь в спортзал оказалась открыта, что это, если не везение?

Итак, наступил момент истины, рука Кирилла легла на хлипкую металлическую ручку двери подсобного помещения. Холод металла будто дал ему крохотный заряд бодрости. Опуская ручку, мальчик успел бросить быстрый взгляд через плечо в сторону входной двери, ей оставалось жить считанные секунды, между дверью и проемом уже образовалась щель, через которую с зал попадал свет из коридора. Кирилл очень быстро проскользнул в подсобку, немедленно повернув защелку изнутри на два оборота и тут же проверил, достигнут ли был эффект, попробовал опустить ручку, все было в порядке, ручка перестала опускаться и замерла в горизонтальном положении.

В отличие от спортзала, куда еще проникал слабый вечерний свет, здесь царила абсолютная тьма, без единого лучика. Глазу не за что было зацепиться, и Кириллу пришлось положиться на остальные чувства. В нос ударил резкий запах сырости и плесени, будто эта комната годами стояла нетронутой. Ему показалось, что из глубины подсобки донеслось легкое шуршание, но разобрать что-то конкретное было почти невозможно. Из-за дверей слышались злые крики преследователей, их гнев лишь усиливал панику. Кирилл понимал: из этого помещения ведет только одна дверь, та самая, которую он запер. Теперь остается надеяться, что хулиганы не догадаются искать его здесь.

Бежать больше было некуда. Из этого тесного замкнутого пространства не было других дверей, кроме той, что он только что запер. Теперь Кирилл мог надеяться лишь на то, что его преследователи решат, будто он сбежал куда-то еще, и не станут ломиться в подсобку. В голове у мальчика промелькнула паническая мысль: единственное, что он способен сейчас сделать – попытаться зарыться под груды пыльных матов или спрятаться среди швабр и другого спортивного инвентаря. На мгновение он почувствовал отвращение к самой идее прижиматься к сырым потным элементам формы или возиться в грязных матах. Но инстинкт самосохранения тут же затоптал остатки брезгливости, напоминая, что сейчас не время для красивых поз. Сейчас важно только одно – выжить. О собственном достоинстве, о высоких моральных принципах можно будет подумать потом, когда опасность минует.

«Надо быть осторожнее, – напомнил себе Кирилл, – вдруг я случайно наткнулся на Ваську, а он поднимет шум». В голову пришла еще одна идея – позвонить кому-нибудь, попросить о помощи. Но кому? Маме? Она наверняка сперва позвонит классной. Может, сразу позвонить классной? Быстрее будет, но что она сейчас сможет сделать? И тут в мозгу вспыхнула безумная мысль: а что, если позвонить Маше? Всего на одну короткую секунду Кирилл колебался, представляя, что, может быть, Маша просто не понимала, как далеко зайдет Артур, и все это лишь нелепое недоразумение. Он до сих пор не мог окончательно поверить, что настолько ей безразличен, что она могла так поступить намеренно. Но это иллюзия, упрямо и жестко напомнил он себе. Пытаясь вытряхнуть эту мысль из головы, Кирилл резко потряс ею, словно отмахиваясь от назойливой мухи. Нет, он никогда не простит себе такое унижение – прятаться за женской юбкой. Да и шансов, что Маша не в курсе происходящего, почти нет. Скорее всего, она бы просто расхохоталась в трубку и мигом поделилась этой новостью с Артуром, только раззадорив его. Нет, позвонить Маше – отвратительная затея.

И тут Кирилл вновь вспомнил о той невероятной сцене, которую он наблюдал всего несколько минут назад в спортзале. Страх, только что сковывавший его тело, вдруг начал отступать, уступая место любопытству. Теперь ему было жизненно необходимо понять, что именно происходит с этим странным котом. Он быстро осознал, что звонить кому-то сейчас – идея плохая: любой звук может спугнуть Ваську и лишить Кирилла шанса раскрыть эту тайну. Значит, нужно сохранять абсолютную тишину и действовать предельно осторожно.

Вдруг в дальнем углу вспыхнул слабый желтоватый свет. Прищурившись, Кирилл смог разглядеть силуэты предметов. Оказалось, что подсобка куда больше, чем он себе представлял: просторная комната с высоким потолком была забита беспорядочными рядами стеллажей, заставленных инвентарем и бесформенными штуками, чье назначение невозможно было определить при таком скудном освещении. С потолка на длинных проводах свисали несколько лампочек без абажуров, но ни одна из них не горела. Значит, источник света был где-то в углу, и нет сомнений, что именно Васька включил его. Но зачем коту свет, если кошки прекрасно видят в темноте? Еще один вопрос, остающийся без ответа.

Чтобы получить ответы, Кириллу нужно было приблизиться к источнику света. Он начал медленно двигаться гуськом, стараясь не задевать ни одного предмета. Путь был похож на прохождение полосы препятствий: волейбольные мячи, биты для городков и какие-то мелкие коробки то и дело возникали из мрака, и только слабый свет экрана телефона позволял их вовремя заметить. Включать фонарик, конечно же, нельзя было – слишком ярко, слишком рискованно.

По мере приближения к цели звуки становились более различимыми. Кириллу все чаще казалось, что он слышит шарканье по полу, кто-то переставлял предметы, перекладывая их с места на место, иногда слышался шелест бумаги. В один момент мальчику даже послышалось тихое ворчание. Он тут же попытался отмахнуться от этой мысли – в открывающейся двери кота он уже готов поверить, но кот, который ворчит, был бы перебором для его и без того перенапряженного сознания. Может, там действительно кто-то еще? Если это окажется взрослый, то, возможно, ему помогут выбраться отсюда. Мысль о том, что здесь он может найти помощь, впервые за время погони зажгла в душе Кирилла тусклый огонек надежды.

Наконец, он добрался до последнего стеллажа, который отделял его от источника света. Ему удалось аккуратно подвинуть в сторону несколько больших картонных коробок, образовав небольшую щель, сквозь которую можно было наблюдать происходящее. Затаив дыхание, Кирилл прильнул к этой импровизированной бойнице и стал изучать сцену, развернувшуюся по ту сторону стеллажа. Ответы были рядом, стоило лишь быть предельно осторожным и не выдать своего присутствия.

А происходило там следующее. В центре пространства, образованного между стеллажом и стеной, стоял простой деревянный стул. На сиденье этого стула была положена увесистая книга в плотном переплете и несколько свитков. Рядом со стулом лежал мешок, в котором, судя по неровным очертаниям, были сложены какие-то вещи, а чуть поодаль, у стены, распахнутые дверцы шкафа обнажали его внутреннее содержимое – полки с неизвестным хламом или, быть может, редкими предметами. Прямо перед этой импровизированной сценой происходило нечто по-настоящему невероятное. Васька, школьный кот, стоял на двух задних лапах, словно опытный актёр, привыкший к роли человека. Он внимательно читал книгу, опираясь одной лапой на стул для равновесия. В другой лапе он держал массивную свечу в изящной кованой подставке. То, что кот действительно читал, сомнений не вызывало: он временами водил когтем по строкам раскрытой книги, словно ученик, разбирающий сложный текст, и при этом тихо бормотал себе под нос какие-то звуки или слова, слишком невнятные, чтобы Кирилл мог понять их смысл.

В какой-то момент Васька отложил книгу, а точнее, на миг отвел от неё взгляд и потянулся к свитку, лежавшему рядом. Он начал сверять что-то: переводил взгляд с книги на свиток

и обратно, нахмурил кошачьи брови, будто пытался сложить из кусочков мозаики полную картину. Видимо, он искал конкретную информацию, потому что, найдя нужное, облегченно вздохнул. Затем поставил свечу на стул, освободив лапу, и взял свиток более уверенно. Васька аккуратно «подточил» коготь о собственные зубы, как писарь точит перо, после чего когтем вычеркнул нечто, записанное на свитке. Этот жест выглядел настолько осознанным и привычным, что делал картину ещё более безумной.

Отложив свиток в сторону, кот направился к открытому шкафу. Там, порывшись какое-то время и отодвинув, вероятно, ненужные коробки или тряпки, он извлёк наружу небольшой кожаный мешочек, перевязанный грубой нитью. Похоже, это была искомая им вещь. Васька быстро принялся к содержимому, будто проверял качество содержимого, и, удовлетворенно фыркнув, с этой находкой вернулся к стулу и аккуратно спрятал мешочек в большой мешок, лежавший рядом, добавляя его к уже имеющимся там предметам.

Завершив эту процедуру, кот, довольно отряхнул друг о друга передние лапы, словно стряхивая невидимую пыль или радуясь сделанному делу. Затем он вновь взял свечу в одну лапу, другой перелистнул страницу книги, и стал читать дальше. Казалось, кот был настолько погружен в свою загадочную работу, что весь мир вокруг перестал для него существовать. Его движения были размеренными, уверенными, точно выверенными, словно он проделывал это уже множество раз.

Сказать, что Кирилл был ошарашен увиденным, значило не сказать ровным счётом ничего. Чувство, охватившее мальчика, было сродни тому, что испытывает человек, оказавшийся в центре фантастического сна или нелепой иллюзии. В какой-то момент ему и впрямь показалось, что происходящее – чистейшая галлюцинация, что, на самом деле, его уже давно настигли Артур и его приятели, избили, и сейчас он лежит где-то на полу школьного коридора или в больничной палате, а всё вокруг – лишь бред воспалённого сознания. Мысль о том, что реальность потеряла стабильность, а рассудок выстраивает новую, абсурдную картину мира, казалась на удивление правдоподобной.

Чтобы проверить эту гипотезу, Кирилл попытался силой воображения изменить окружение. Он зажмурился и представил, как всё вокруг – подсобка, школа, кот Васька, Артур с друзьями – растворяется в небытии, а сам он оказывается высоко в небе, парит, как птица, ощущая свежий, прохладный ветер на лице. Надо признать, что представить это удалось весьма достоверно, ведь фантазия у него всегда была богата. Но стоило Кириллу открыть глаза, как перед ним вновь оказались тёмные стеллажи, подсобка, тусклый свет в углу и кот Васька, деловито ковыряющийся в шкафу.

Тогда Кирилл решил прибегнуть к другому, более надёжному методу. Он вспомнил, что во сне боль не ощущается так остро, как наяву. Если бы это был всего лишь сон или бредовое видение, почему бы не ущипнуть себя и не проверить свои ощущения? Аккуратно оттянув кожу на правой руке левой рукой, Кирилл сжал её. Почувствовал резкий укол боли, совсем настоящей. Он тут же отпустил, не желая причинять себе вред. Этот простой тест ясно дал понять: боль – реальна, и, следовательно, всё, что происходит, не просто плод воображения.

Однако признать правду было по-прежнему трудно. Ведь то, что он видел, нарушало все законы логики и здравого смысла. Кот, читающий книгу, использующий коготь как пишущее перо, сверяющий записи со свитками – такое не укладывалось ни в какие рамки. И тем не менее боль, да и сама обстановка, казалось, подтверждали подлинность происходящего. Это смятение почти парализовало Кирилла, но вместе с тем и распаляло в нем любопытство.

Внезапно, его глубокие размышления о сути происходящего были грубо оборваны самой реальностью. Снаружи, со стороны двери подсобки, раздались яростные удары, сопровождаемые злыми выкриками:

– Мы знаем, что ты тут! Открывай, а то хуже будет!

Затем удары стали еще громче и тяжелее, словно кто-то бьет ногой по двери, стремясь разнести её в щепки. Этот шум не мог остаться незамеченным не только для Кирилла, но и для Васьки. В какой-то миг кот нервно обернулся через плечо, что, если кот его сейчас заметит? Но нет, импровизированное укрытие за коробками всё-таки спасло его от внимательного взгляда.

Васька незамедлительно принялся действовать: он поспешно скрутил свиток и сунул его в мешок, туда же отправил толстую книгу с секретными записями. Затем кот рванул к шкафу, защёлкнул торчащий в дверце ключ и также отправил его в мешок. Стоило мешку оказаться надёжно завязанным и перекинутым через плечо, как в свободной лапе Васьки вновь появилась свеча. Кирилл не отрывал глаз от этой сцены, словно завороченный самым невероятным цирковым номером в своей жизни. Но его разум уже задавал вопрос: «Что этот кот собирается делать дальше?» По всем признакам Васька готовился к уходу, будто стремясь сбежать из этого помещения. Но куда он мог направиться, если единственный выход прегражден разъярёнными школьниками?

Между тем, бешеная канонада ударов по двери продолжала нарастать, барабания в такт стуку сердца Кирилла. Парню казалось, что оно вот-вот выпрыгнет из груди. Страх с новой силой вцепился в его мысли. В отчаянии взгляд Кирилла метался по помещению в поисках спасительного укрытия. Может, спрятаться в одной из больших коробок или попробовать залезть в какой-нибудь шкаф? В этот момент кот почти исчез из поля его зрения. Лишь краем глаза Кирилл заметил, что Васька стоит в самом углу помещения – там, где в стене темнела какая-то ниша, возможно, остатки давно забытого встроенного шкафа.

И тут Кирилл понял: то, что происходило сейчас, было еще более странным, чем всё, что он видел до этого вечера.

По обыкновению стоял Васька опять на двух задних лапах, а две передние в этот раз лежали на чем-то вроде массивного, грубо отесанного рычага, торчащего прямо из стены. На полу рядом с ним покоились свеча в подсвечнике и объемистый мешок с незнакомыми вещами. Кот прилагал заметные усилия, стараясь опустить упорный рычаг, который, казалось, намертво застрял в своем положении. Он ругался вполголоса, употребляя непонятные, трудноразличимые слова. На этот раз Кирилл уже не сомневался: ему не послышалось.

В какой-то момент, после долгих и настойчивых попыток, рычаг наконец поддался и медленно опустился вниз. Кирилл затаил дыхание, ожидая, что сейчас произойдет нечто невероятное – откроется потайная дверь, проломится стена или хотя бы вспыхнет новый источник света. Но не произошло ровным счетом ничего, кроме неприятного скрежета, прокатившегося по стенам подсобки глухим отголоском. В тот миг все надежды мальчика на чудесное спасение испарились.

Однако кот, похоже, не разделял пессимизма Кирилла. Он не выглядел разочарованным. Напротив, в его поведении чувствовалась уверенность того, кто точно следует заранее продуманному плану. Казалось, Васька знал, что именно так все и будет, и теперь готовился к следующему шагу, о значении которого Кирилл пока мог лишь догадываться.

После того, как рычаг был опущен, кот уперся передними лапами в ту же самую, казалось бы, неподвижную стену и принялся ее толкать. Со стороны это выглядело столь нелепо, что Кирилл не мог не усмехнуться: «На что он вообще рассчитывает?» – промелькнула мысль. Но тут же мальчик вспомнил, как уже не раз удивлялся действиям Васьки, которые сначала казались бессмысленными, а в итоге приводили к ошеломляющему результату. И сейчас, похоже, кот действовал по тому же сценарию.

Внезапно, когда казалось, что усилия Васьки ни к чему не приведут, стена начала поддаться. Сначала Кирилл заметил едва различимое движение – нечто вроде легкого проскальзывания. Затем стена начала сдвигаться все отчетливее, и Васька, не снижая напора, пошел следом за ней, словно подгоняя отступающий камень. Мальчик открыл рот от изумления: стена

не просто отъезжала в сторону, она начала вращаться, как гигантский каменный турникет на невидимой оси, скрытой в самом ее центре. По мере поворота образовались два широких проема с обеих сторон, за которыми клубилась абсолютная темнота. Нельзя было разглядеть ни единой детали в этом загадочном пространстве по ту сторону стены.

Но на этом неожиданности не закончились. Как только проемы достигли достаточно больших размеров, скорость вращения резко увеличилась. Буквально за несколько секунд массивная стена превратилась в размытый вихрь серого цвета. Через некоторое время вращение начало замедляться. Когда очертания стены снова стали различимы, Кирилл сразу почувствовал неладное: стало темнее, чем прежде, и главное – Васьки больше не было видно. Исчез вместе с котом и единственный источник света, который тот носил.

Мальчик действовал инстинктивно. Не теряя ни секунды, он выхватил телефон и включил фонарик. Яркий луч, хоть и слабый по сравнению с настоящим освещением, мгновенно выхватил из полумрака серые очертания замедляющейся стены. Теперь она вращалась медленно, словно огромная каменная дверь, возвращающаяся на свое место. В голове Кирилла вспыхивали сотни вопросов. Что это за устройство? Куда делся кот? И как ему теперь выбраться из этой ловушки?

Позади раздался громкий хлопок, будто выстрел, и Кирилл сразу понял, что произошло. Он и не думал оборачиваться, всё было ясно: дверь выбита, а значит, они вот-вот увидят его. Инстинкт выживания гнал вперед, выжигая все посторонние мысли. Единственным местом для бегства теперь оставалась загадочная пустота за вращающейся стеной, куда только что исчез Васька со своим мешком. Никаких гарантий, что там безопаснее, не было, но выбирать не приходилось.

Стена делала последние обороты вокруг своей скрытой оси, ускользящий проём стремительно сокращался. Кирилл, не размышляя о последствиях, ринулся к этой щели. Едва ли не чудом он успел вписаться в узкий просвет, проскользнув буквально на долю мгновения раньше, чем проём полностью сомкнулся. На какую-то краткую секунду ему даже показалось, что теперь он в безопасности, что сейчас остановится, отдышится, осмотрится. Но это чувство мгновенно улетучилось.

Вместо спокойного тайного помещения его подхватил невидимый вихрь. С ужасающей силой, которую трудно было себе представить, Кирилла закрутило, словно в бешеной центрифуге. Сдавило грудь, легкие кричали о помощи, глаза казались готовыми выскочить из орбит. Если космонавты испытывают на тренировках нечто подобное, то сейчас Кирилл понимал, почему их готовят так долго и тщательно. Он был уверен, что не выдержит и десяти секунд – сердце колотилось как сумасшедшее, кровь шумела в ушах, мысли смешались в сплошной беспомощный крик.

«Что происходит?» – вопрошал он в пустоту, но ответа не было. Может, эту процедуру могут пережить только существа с девятью жизнями, вроде котов? Ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Но в тот самый момент, когда невыносимая сила, казалось, должна была его окончательно раздавить, всё вдруг прекратилось...

Глава 2. Карман шарлатана

Несколько секунд Кирилл лежал неподвижно, пытаясь восстановить дыхание. Он был дезориентирован и слаб, словно после изнуряющего марафона. Атмосферой это помещение очень походило на подсобку спортзала. Все вокруг дышало затхлостью и непроницаемой чернотой. Мальчик пытался собрать мысли воедино. Он смутно помнил, как его затянуло в безумный вихрь, когда он проскользнул в узкую щель уходящего «турникета» -стены. Давление нарастало неумолимо, становясь невыносимым, пока наконец не прекратилось, словно по волшебству. И вот теперь он здесь – в этом темном, сыром помещении, один на один со своими мыслями.

Кирилл считал себя достаточно взрослым, чтобы не верить в магию, а также достаточно рациональным, чтобы не поддаваться конспирологическим теориям. Но то, что с ним произошло, заставляло пересмотреть привычные взгляды. Сейчас перед ним стояло два, по его мнению, наиболее правдоподобных объяснения. Первое: он попал в какую-то волшебную дверь. Второе: он угодил в секретную лабораторию, по непонятной причине обосновавшуюся прямо в стенах их школы. И если в первом случае кот Васька был сказочным персонажем, то во втором – секретной биотехнологической разработкой.

«Правда обычно где-то посередине», – любил повторять отец Кирилла, но представить некий компромисс между сказочным царством и тайной лабораторией было непросто. «Сказочный мир, созданный в секретной лаборатории?» – мелькнуло в его голове. Он с усилием помотал головой, пытаясь отогнать абсурдные мысли, понимая, что долгое размышление в подобном ключе способно довести до безумия.

При всей мрачности сложившейся ситуации, в ней можно было увидеть и повод для оптимизма: Кирилл был почти уверен, что сейчас он в безопасности. Артур и его дружки никогда не найдут столь замысловатого тайного прохода. А даже если и найдут, после такой центрифуги им вряд ли будет дело до Кирилла. В этом темном, непонятном месте мальчик впервые за последнее время почувствовал легкое облегчение.

Кирилл попытался медленно подняться, ощущая, как каждая мышца, каждая косточка будто бы протестуют против движения. Нужно было сперва сесть, отдохнуть немного и дать ноющим мышцам возможность прийти в себя. Он посидел так несколько секунд, потом, собрав волю в кулак, рывком поднялся на ноги. К счастью, ничего не сломано – в этом он до последнего сомневался после такой безумной карусели. Дрожащими пальцами Кирилл вытащил телефон и включил фонарик, осветив тусклым светом свое новое убежище.

Помещение оказалось несравнимо меньше той подсобки, в которой он был всего минуту назад. В любую сторону нельзя было сделать и нескольких шагов, не уткнувшись в стену. Стены здесь были обшиты грубыми, плохо обработанными досками, а вместо пола была сырая земля, влажная и прохладная. Потолок тоже был сколочен из досок, кое-как закреплённых внахлест. Кирилл поднял голову: расстояние между макушкой и потолком едва позволяло поместить кулак. Это место напоминало какой-то погреб, для хранения картошки, было поразительно осознавать, что именно сюда его привел невероятный мистический «турникет».

Никаких дверей или проходов видно не было. Более того, в этой крохотной камерке не оказалось вообще ничего, кроме странной кучи, накрытой плотной чёрной тканью, расположенной в углу. Поскольку других предметов для исследования не имелось, Кирилл подошёл к загадочной куче и осторожно приподнял край ткани.

То, что он увидел, трудно было назвать каким-то определённым словом. Скорее всего, этот «предмет» напоминал своего рода необычную скульптуру, какой-нибудь странный образец современного искусства, причудливую инсталляцию безо всякого намёка на привычную эстетику. Подставка на нескольких ножках была частично металлической, частично деревян-

ной, а поверх неё из железных полосок и трубок был сплетён замысловатый узор. Эти полоски выглядели так, будто их скручивали и сгибали наугад, создавая хаотичный «танец» металла.

В некоторых местах в эти металлические опоры были вмонтированы камни – одни крохотные, размером с ноготь, другие – довольно крупные, по величине напоминающие ёлочные игрушки. Они были не вставлены аккуратно, как в ювелирных изделиях, а, похоже, просто крепко зафиксированы – как будто их автор заботился лишь о том, чтобы они не выпали, а не о красоте композиции. Вся эта конструкция была дополнительно перетянута грубой бечёвкой, словно её создатель пытался не дать этой странной икебана из металла, дерева и камней рассыпаться на части.

Но особенно взгляд притягивал продолговатый фиолетовый кристалл, установившийся строго в центре всей композиции. Его грани были настолько безупречно ровными, что Кирилл на миг подумал, будто тот источает собственное, едва заметное свечение, хотя он лишь преломлял слабый луч фонарика в мерцающие блики. На долю секунды ему показалось, что кристалл не просто отражает свет, а словно дышит им, пульсируя невидимой жизненной энергией, точно в нём бьётся крохотное сердце. С трудом оторвав взгляд от этого странного, почти гипнотического камня, Кирилл почувствовал, как по спине пробежал холодок – настолько сильно кристалл завораживал и манил к себе.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки и вспомнить, где он находится. Очнувшись от странного наваждения, Кирилл аккуратно опустил ткань на место, вновь скрывая под ней непостижимую конструкцию, и попытался найти хоть какие-то намёки на выход. Он внимательно осмотрел каждый сантиметр своего крохотного «узилища», но не заметил ничего, что хотя бы отдалённо напоминало дверь, ручку или проём. Впрочем, это и не удивительно: учитывая, как он сюда попал – через вращающийся потайной проход, замаскированный под обычную стену, – рассчитывать на простой выход было бы наивно.

На секунду в голове мальчика вспыхнула догадка: если он пробрался сюда через стену, которую можно было двигать, то, может, какая-то из стен здесь тоже сдвигается? Воодушевлённый этой мыслью, Кирилл принялся по очереди толкать все четыре стены своего тесного деревянного «ящика», надеясь отыскать скрытый механизм. Но каждый новый безуспешный рывок всё больше уменьшал его энтузиазм: ни одна доска не поддавалась, ни один участок не двинулся ни на миллиметр, какой бы угол он ни пытался сдвинуть.

«Не может же быть, что у меня меньше сил, чем у Васьки?!» – подумал Кирилл с обидой. Но тут же вспомнил важную деталь: прежде чем провернуть тот каменный турникет, кот воспользовался каким-то рычагом. Значит, и здесь может быть что-то подобное, просто пока он этого не заметил.

Не найдя никаких явных выступов или механизмов на стенах и потолке, Кирилл вспомнил о странном предмете под тканью. Возможно, этот диковинный агрегат – и есть искомый рычаг или, по крайней мере, часть управляющего устройства. Сдернув ткань снова, он приступил к более тщательному осмотру. Честно говоря, в этой хаотичной конструкции любую торчащую трубку или перекладину можно было принять за рычаг. Наугад он потянул за одну металлическую деталь, которая, на его взгляд, больше всего напоминала рычаг. В ответ вся инсталляция угрожающе зашаталась, и Кирилл в испуге сразу же отдернул руку, опасаясь, что всё рухнет ему на ноги.

«Если этот „прибор“ действительно связан с тем механизмом, через который я сюда попал, то лучше не ломать его, – рассудил Кирилл. – Вещь, способная запустить такую адскую „центрифугу“, наверняка может устроить нечто куда более страшное». Идея пошатать всё подряд показалась ему теперь крайне неблагоприятной.

Что же тогда делать? Кирилл в отчаянии прижал ступню к земле под ногами, надеясь на чудо: а вдруг потайной ход скрыт не в стене, а в самом полу. Но земля оказалась прочной и даже не шелохнулась. От безысходности он начал прыгать на месте, стараясь продавить пол

собственным весом. Прыгал все сильнее и сильнее, и так увлёкся, что в какой-то момент затылком врезался в низко нависающий потолок. Боль была резкая, но мгновенная, зато результат оказался неожиданным: потолок словно подпрыгнул вверх, будто крышка сундука, на миг повис в воздухе, а потом опустился обратно.

– Ха! – вырвалось у Кирилла, что-то среднее между вздохом облегчения и нервным смешком.

Не теряя ни секунды, он уперся руками в деревянный настил над головой и с удивлением понял, что он легко поддается. Потолок не выказывал особого сопротивления. Подняв его повыше, Кирилл ухватился за края образовавшегося проема и, подтянувшись, выбрался наружу.

Глоток свежего воздуха, чистого и свободного от сырости и затхлости, был настоящим подарком. Впервые за долгое время мальчик снова мог дышать полной грудью, чувствуя, как легкие наполняются приятной теплотой. Теперь, оказавшись на воле, он испытал облегчение, хотя и не имел ни малейшего представления о том, где именно очутился.

Первое, что привлекло внимание Кирилла после его неожиданного освобождения из тесного деревянного «ящика», была дверь, видневшаяся на одной из стен нового помещения. Оно оказалось значительно просторнее прежнего, хотя и уступало по размерам школьной подсобке. Судя по всему, это был некий склад: вдоль стен стояли деревянные полки и шкафы, ломившиеся от обилия самых разнообразных вещей. У мальчика разбежались глаза от любопытства в попытке изучить все и сразу. Многие предметы и целые полки были укрыты плотными тканями, словно кто-то хотел защитить их от любопытных взглядов, а то, что было выставлено напоказ, поражало своим пёстрым разнообразием.

На одних полках высились стопки книг – от тонких неприметных брошюрок до массивных древних фолиантов в толстых переплётках. На других полках, в стеклянных колбах, стояли жидкости всех мыслимых оттенков – некоторые напоминали цветные чернила или растворы из лаборатории класса химии. Рядом могли находиться ящики, доверху набитые порошками или мелко нарезанными травами, напоминающими специи. Были и полки, уставленные камнями самых разных форм, размеров и расцветок: от крошечных осколков до крупных минералов, сияющих странными отблесками. В стороне приткнулись шкафы с одеждой на все вкусы – от старомодных платьев и плащей до плотных кожаных курток.

Такое множество разномастных предметов заставляло Кирилла ломать голову над их назначением. Кому и для чего понадобился бы подобный склад? Приходили в голову самые необычные догадки: от тайной лаборатории сумасшедшего учёного до небольшой бакалейной лавки с несметным ассортиментом экзотических товаров. На миг мальчику даже подумалось, что это может быть комната с реквизитом для киностудии, где на полках хранятся костюмы и аксессуары для самых разных эпох и сюжетов.

Продолжая ломать голову над тем, зачем кому-то понадобилось прятать подобное помещение внутри самой обычной школы и как в этом деле замешан кот Василий, Кирилл все же рассудил, что на данном этапе важнее всего выбраться отсюда и, по возможности, сделать это незаметно. Попав домой, он сможет спокойно все обдумать, найти разумное объяснение произошедшему или хотя бы обсудить случившееся с кем-то, кому доверяет. А если останутся неразрешимые вопросы, что ж, теперь мальчик знает дорогу назад и при желании сможет вернуться сюда для дальнейшего расследования.

Для начала он аккуратно опустил на место крышку люка в полу, которая одновременно являлась и частью потолка того тесного помещения, откуда он только что выбрался. Конечно, его мучило любопытство: хотелось изучить всё, что лежит на полках этого странного склада, но Кирилл пересилил себя. Сейчас не время для излишней любознательности, нужно покинуть это место и не попасться Артуру и его приятелям.

Мальчик осторожно подошел к единственной двери, ведущей за пределы склада. Он старался не шуметь и медленно отворял дверь, не спуская глаз с образующегося проема. Внимательно прислушиваясь и глядя туда, где могут скрываться его преследователи, Кирилл надеялся, что они не ждут его за порогом.

Аккуратно, не спеша, Кирилл просочился в приоткрытую дверь и с облегчением выдохнул: за дверью никого не было. Он оказался в просторном помещении с необычно высокими потолками. Комната совсем не напоминала школьный кабинет или какую-то знакомую ему комнату. Стены здесь были выкрашены в белый цвет, а снизу отделаны широкими, почти полуметровой высоты, светлыми деревянными панелями. На полу лежала доска, а не привычный для их школы серый линолеум, а большую часть пространства занимали стеллажи, больше похожие на витрины.

Приглядевшись, Кирилл понял, что за стеклом на этих витринах лежат самые разнообразные предметы, не менее экзотичные, чем те, что он видел на складе. Однако здесь они были аккуратно разложены, а к каждому предмету привязана небольшая бумажка, скорее всего с ценой. Всё это напоминало лавку редкостей или антикварный магазин.

Комната была залита мягким дневным светом, льющим сквозь огромные арочные окна. Под сводчатым потолком висели изящные люстры. Кирилл пригляделся и с удивлением заметил, что вместо лампочек в них установлены настоящие свечи, многие из которых густо покрылись наплывами застывшего воска.

Продолжая осторожно озираясь по сторонам, Кирилл направился к центру комнаты, надеясь отыскать выходную дверь. Он шёл медленно, стараясь не пропустить ни одной детали в этом странном месте. И тут, в какой-то момент, он заметил знакомую фигуру: кот Васька, как ни в чём не бывало, сидел за столом с выдвижными ящиками и сосредоточенно писал что-то в большой толстой книге. При этом Василий высунул свой шершавый кошачий язык, словно школьник, увлечённый сложной задачей. Кирилл застыл на месте, поражённый до глубины души, и, не в силах удержаться, полез в карман за мобильным телефоном, чтобы заснять эту немыслимую сцену.

В тот самый миг, когда Кирилл был готов сделать снимок, кот неожиданно произнёс:

– Мы закрыты.

Голос звучал спокойно и чуть насмешливо. Затем, как будто обращаясь к самому себе, Васька добавил, уже тише:

– Неужели я опять дверь забыл запереть...

От неожиданности Кирилл вздрогнул, и телефон выскользнул из его руки, с глухим стуком упав на пол. На этот раз Васька не смог сохранить полное равнодушие к происходящему: оторвав взгляд от своего письменного труда, он с любопытством посмотрел на мальчика.

– Заходите завтра, у нас инвентаризация, – произнёс кот. На его мордочке едва заметно приподнялись «брови», словно он только теперь внимательно оценивает обстановку. Казалось, недавнее равнодушие сменилось осторожным любопытством. В следующий момент взгляд Васьки скользнул к телефону, который Кирилл уже успел подобрать с пола.

Мальчик и кот встретились взглядами, и в этот миг весь внутренний мир Кирилла словно встал с ног на голову. До этого момента он был убеждён в собственной адекватности, но теперь перед ним стоял самый настоящий говорящий кот! По выразительной мордочке Василия было видно, что и для него эта встреча стала неожиданностью: глаза расширились, рот слегка приоткрылся. При этом Кирилл, несомненно, выглядел не менее ошарашенным, чем его собеседник.

Кирилл, несмотря на потрясение, всё же заметил, как кот плавно потянулся лапой к одному из выдвижных ящиков стола. Это чем-то напомнило ему сцены из фильмов, где грабитель в магазине, завидев грабителя, тянется к «тревожной кнопке» под прилавком. Возможно, если бы мальчик не видел подобного ранее, происходящее не вызвало бы у него ощущения

надвигающейся опасности. Но сейчас в голове мгновенно всплыли знакомые образы, и Кирилл, не раздумывая, рванул в сторону, стараясь скрыться за витринами и уйти из поля зрения кота.

Похоже, Васька дотянулся до своей «тревожной кнопки» быстрее, чем можно было ожидать. Неожиданно поднялся невероятный порыв воздуха, словно взрывная волна, и ударил мальчика с такой силой, что его мгновенно швырнуло к стене. Теперь он оказался прямо напротив кота, сидевшего за столом. Кирилл заметил, что одна из лап Васьки лежит на столешнице и крепко сжимает что-то ярко-голубое, сияющее холодным светом. Теперь на мордочке кота явно читалась злость.

Васька поднял лапу со странным голубым «фонариком» и со стуком опустил её на крышку стола. В ту же секунду сам стол, словно сорвавшись с невидимого поводка, метнулся в сторону Кирилла с бешеной скоростью. Мальчик был уверен, что сейчас его просто раздавит. Первый удар, который вогнал его в стену, и без того был чрезвычайно болезненным – тело и так ныло от предыдущих испытаний, а теперь добавился удар спиной и затылком о твёрдую поверхность. Стол же, судя по всему, должен был довершить дело, окончательно размазав его по стене.

Однако, в последний момент Кирилл ощутил, что деревянный снаряд начинает притормаживать. Итоговый удар оказался куда слабее, чем он предполагал. Можно было сказать, что стол не врезался в него, а аккуратно «прижал» к стене. Теперь замысел стал очевиден: целью было не уничтожить подростка, а обездвигить его. План удался идеально. Кирилл оказался зажат таким образом, что мог шевельнуть лишь пальцами ног или слегка повернуть голову.

Кот вальяжно, не торопясь, соскочил со стула и направился к обездвигенному Кириллу, теперь уже спокойно ступая на четырех лапах. Расстояние до мальчика он преодолел быстро и, запрыгнув на стол, остановился в нескольких сантиметрах от его лица. Васька мрачно уставился на свою «добычу».

– Ты школьник? «Как ты сюда попал?» – спросил кот, прищурившись.

– Куда сюда? – машинально откликнулся Кирилл, пытаясь понять, чего же от него хотят.

Морда Васьки исказилась от злости, он выставил вперед когти и недвусмысленно махнул ими перед лицом перепуганного мальчика.

– Сейчас вопросы задаю я. Отвечай! – в голосе кота послышалась угроза.

Кирилл почувствовал, как страх сдавливает грудь, но заставил себя сохранять спокойствие. Если он дрогнет даже перед котом, то что будет, столкнись он сейчас с Артуром и его бандой? Нет, нужно быть храбрым. Смотря коту прямо в глаза, он постарался говорить ровным голосом:

– Да, я школьник. Я попал сюда случайно, через вращающуюся стену в школьной подсобке, – ответил мальчик.

– А что ты делал в подсобке? Следил за мной? – осведомился Васька, чуть приподняв брови.

Кирилл на мгновение замялся. Признаться в том, что он убегал от хулиганов и трусливо прятался, было стыдно. Казалось, даже кот отнесется к подобному с презрением. Но врать – это тоже трусость, а он не хотел быть ни трусом, ни лжецом. Поэтому, собравшись с духом, мальчик рассказал всю историю честно и без утайки. Сначала в общих чертах, но когда Васька уточнял детали, ему пришлось выложить все начистоту: о побеге от Артура и его дружков, о своей безответной любви к Маше, о горьком разочаровании.

Кирилл с удивлением для себя обнаружил, что, излив душу, пусть даже такому странному собеседнику, как кот Василий, ему сильно полегчало.

Закончив свой рассказ, Кирилл был готов услышать в ответ что угодно – насмешки, угрозы или язвительные комментарии. Но к его удивлению, выражение лица кота заметно смягчилось. Васька помолчал какое-то время, словно обдумывая сказанное, а затем произнёс успокаивающим тоном:

– Послушай, малыш, храбрость очень часто путают с безрассудством. Нет ничего постыдного в том, чтобы избегать сражения, которое ты заведомо не можешь выиграть. Наоборот, это признак мудрости. Настоящая трусость – брать с собой целую свору друзей ради битвы, в которой и так ясно, кто победит. А насчёт неразделённой любви... Понимаю, это нелегко, но, с другой стороны, теперь ты точно знаешь, какую девушку тебе не нужно добиваться. Значит, в следующий раз у тебя будет меньше шансов ошибиться.

Кирилл, сначала растерявшись от подобной «кошачьей мудрости», не сразу нашёл, что сказать. Но, собравшись с духом, выдавил короткое:

– Спасибо.

В душе он был искренне благодарен Василию за эту неожиданную, но такую важную для него поддержку.

– А теперь, к сожалению, нам придётся продолжить менее приятную часть нашей беседы, – заявил кот, и в его голосе послышались жёсткие, серьёзные нотки. Выражение лица стало куда более сосредоточенным. – Всё, что сегодня с тобой произошло, должно остаться в полном секрете. Я не люблю прибегать к жёстким мерам, но если ты будешь болтать лишнего, мне придётся. А я обязательно узнаю, если ты хоть кому-то заикнёшься о произошедшем. В вашей школе от меня ничего не скроется – даже у стен там есть уши. Я хочу, чтобы ты пообещал мне держать язык за зубами, и тогда мы отправим тебя обратно домой.

– Клянусь, никому ничего не расскажу о том, что видел сегодня, – ответил Кирилл. – Да даже если бы я и попробовал кому-то рассказать – всё равно никто не поверит, сочтут сумасшедшим.

Кот удовлетворённо кивнул, принимая его слова за чистую монету.

– В таком случае я тебя сейчас выпущу, – сказал он. – Только без глупостей, и давай подготовимся к твоей отправке обратно в карман.

– Мы можем немного подождать, – робко предложил Кирилл, смущаясь собственной просьбы. – Ну, может час или около того? Чтобы Артур и его дружки уже успели уйти из школы. Я обещаю, что не доставлю вам никаких проблем, буду сидеть тихо, как мышь.

Кот окинул мальчика оценивающим взглядом, затем ответил:

– Хорошо. Повременим с отправкой. К тому же, тебе не мешает отдохнуть и набраться сил. Два перехода подряд – испытание не из лёгких.

Василий аккуратно прыгнул со стола и подошёл к ящикам, выдвинул верхний и убрал в него голубой светящийся предмет, который всё это время сжимал в лапе. Кирилл не мог толком разглядеть, что это такое, и решил не испытывать судьбу лишними вопросами. В то же мгновение он ощутил, как давление стола, прижимавшего его к стене, полностью исчезло. Теперь мальчик мог свободно двигаться. Он осторожно подтолкнул стол от себя, боясь вызвать раздражение кота, но Васька, напротив, отреагировал спокойно:

– Вылезай, не бойся.

Кирилл чуть отодвинул стол, чтобы освободиться, и встал на ноги.

– Первое наше знакомство вышло, прямо скажем, не очень, – прокомментировал кот, чуть опустив усы – давай попробуем ещё раз. Меня зовут Виль – при этих словах кот учтиво протянул лапу.

– Кирилл – тут же откликнулся мальчик и без колебаний ответил на необычное рукопожатие.

– Что же, Кирилл, надеюсь, ты сможешь мне привести тут всё в порядок. Давай начнём со стола, – предложил кот, многозначительно взглянув на мальчика.

Уборка не заняла много времени, но пока они складывали вещи на свои места, Кирилл успел рассмотреть множество странных предметов. Он уже немного привык к необычному обществу кота по имени Виль и постепенно набрался храбрости, чтобы удовлетворить своё любопытство.

– А что это за место? – поинтересовался Кирилл, перестав аккуратно расставлять баночки с порошками.

– Ты про этот ломбард? – уточнил кот. – Это наше небольшое предприятие, которое мы с моим партнёром Аяксом организовали для заработка. Мы даём деньги под залог редких и интересных вещей, иногда сами выкупаем их, а потом продаём дороже. Так понемногу и живём, как умеем.

– Только совсем не похоже, что это находится где-то в школе... – неуверенно проговорил Кирилл, бросив взгляд на высокие потолки и арочные окна.

– Ты прав, – кивнул Виль, – пройдя через тот потайной проход, ты переместился очень и очень далеко от своей школы.

– Вы сказали, что меня надо будет вернуть обратно в карман. Что вы имели в виду? – осторожно поинтересовался Кирилл.

Кот загадочно улыбнулся, помолчал несколько секунд, словно подбирая подходящие слова, а затем начал объяснять:

– То место в школьной подсобке, откуда ты пришёл, для тебя – целый мир, а для нас – всего лишь небольшой закуток, своеобразный тайник, который мы используем в качестве склада для нашего магазина. Мы называем его «Карманом шарлатана». Да, звучит странно, но такова давняя традиция, и придумали это не мы. К сожалению, я не могу раскрыть тебе всех деталей, – кот развёл лапами, – считай это моим профессиональным секретом. Могу сказать только одно: сейчас мы очень далеко от твоей школы, и даже не в твоём городе. Ты гость в вольном городе Верьяле, который управляется мудрым консулатом. Добро пожаловать, Кирилл.

Кирилл всегда гордился своими познаниями в географии. Он мог без запинки назвать столицы большинства государств, и это всегда придавало ему уверенности в собственном кругозоре. Однако его обширные знания сейчас нисколько не помогали – о городе Верьяле он слышал впервые. Более того, само понятие «вольный город» звучало для него непривычно и странно. Во всяком случае, Кирилл был уверен, что никогда прежде не имел дела с «вольными городами» и уж точно не бывал в них. Однако, своими размышлениями с котом он не спешил делиться, не хотелось показаться излишне любопытным, ведь кот однажды уже принял его за шпиона.

Кот уже вновь устроился за поставленным на прежнее место столом и продолжил старательно записывать что-то в массивную книгу гусиным пером. Виль указал мальчику на небольшой диванчик, стоявший в неприметном углу помещения, практически скрытый от посторонних глаз. Предложение поспать, чтобы восстановить силы, поначалу смутило Кирилла, но, прикинув, что ему ещё, возможно, долго не удастся нормально отдохнуть, он решил воспользоваться предложением.

Устроившись на диване, Кирилл прикрыл глаза, однако сон не спешил приходить. Слишком много событий надо было осмыслить, слишком много вопросов требовало ответов, слишком много всего надо было обдумать. Несмотря на то, что тело начинало расслабляться, ум продолжал метаться, рассматривая случившееся с разных сторон.

Как можно было преодолеть множество километров, просто пройдя сквозь небольшую щель в стене школьной подсобки? Если вдуматься, пока его крутило в «центрифуге», тело Кирилла действительно преодолело немалое расстояние – но ведь он двигался по кругу, а, следовательно, рано или поздно должен был вернуться в ту же точку, то есть перемещение его было бы равно нулю. Или всё-таки нет?

Как узнать, где находится этот самый Верьял? Узнав координаты, можно было бы примерно оценить расстояние, которое он таким странным образом преодолел. И тут мальчика осенило: у него же есть телефон! Он всё это время лежал в кармане, дожидаясь своего звёздного часа. Кирилл мигом открыл глаза, вытащил устройство и быстро запустил навигатор.

Приложение грузилось мучительно долго, а ему не терпелось поскорее получить ответы на свои вопросы. Наконец на экране появилась знакомая карта мира, точь-в-точь как в школьном атласе, но вместо точки местонахождения перед ним замигала надпись: «Не удалось поймать сигнал спутников». Сотовая связь тоже была на нуле. Ни сетей Wi-Fi, ни даже намёка на другие доступные сети – ничего. Кирилл вздохнул: «Ну и занесло же меня в глушь...» Неудивительно, что здесь ведут учёт в огромной книге гусиным пером вместо привычного компьютера.

Интересно получается: связи у них тут нет, о компьютерах, видимо, никто и не слышал, а при этом они умеют перемещаться на многие километры за секунды или двигать тяжёлые предметы одним «фонариком», который умещается буквально в ладони. И, конечно, здесь есть говорящий кот – не просто болтающий о погоде, а обладающий умом, перед которому, похоже, уступают многие Кирилловы одноклассники.

Впрочем, говорящий кот был ещё хоть как-то объясним. Мальчик вспомнил истории о том, как некоторых обезьян научили общаться с людьми с помощью жестов или компьютерной клавиатуры, и они вполне осмысленно выражали свои мысли. Значит, в принципе, можно допустить и разумного кота. А вот всему остальному – странным технологиям, загадочным перемещениям, отсутствию сигнала – пока не находилось никакого объяснения.

Об этом всём размышляя, Кирилл уже было начал убирать телефон обратно в карман, но на мгновение замер. В голову пришла идея сделать несколько фотографий. Здесь всё настолько необычно! Когда ещё ему выпадет шанс запечатлеть нечто подобное? Фотографии могли бы стать доказательством для него самого, что он не сходит с ума и всё происходящее – не плод воображения.

Однако, обдумав это, Кирилл вспомнил о договорённости с Вилем. Он пообещал никому не рассказывать о том, что видел. Делать снимки – значит нарушить этот невидимый контракт. В конце концов, если кот и его мир не предназначены для чужих глаз, то лишнее подтверждение может повлечь серьёзные последствия. Взвесив всё, Кирилл решил не рисковать. Он окончательно убрал телефон в карман, оставив впечатления лишь в собственной памяти.

И тут, неожиданно, неподалёку раздался странный гудящий звук, напоминающий одновременно гудок паровоза и залихватский свист. Кирилл вздрогнул от неожиданности. Он нервно оглядывался по сторонам, тщетно пытаясь понять, откуда исходит этот необычный

шум. Но, к счастью, разбираться самому ему не пришлось. Вскоре мальчик услышал приближающиеся шаги Виля. Похоже, кот точно знал, где расположен источник шума.

Виль запрыгнул на небольшой столик, стоящий неподалёку от дивана, на котором сидел Кирилл. Над столиком, на стене, висело большое овальное зеркало в кованой оправе. К удивлению мальчика, кот начал активно размахивать одной лапой перед зеркалом, словно пытаясь отогнать неприятный запах. В какой-то момент Кириллу даже показалось, что одна из лап Виля погрузилась внутрь зеркала, будто у него не было твёрдой поверхности.

Любопытство взяло верх над осторожностью. Кирилл встал и подошёл поближе, чтобы лучше разглядеть происходящее. Теперь стало ясно: то, что он принимал за зеркало, зеркалом не было вовсе. В нём не отражалось ни мальчика, ни кота, ни комнаты. Вместо привычного этого Кирилл увидел клубящийся плотный серый дым. Казалось, что источник этого дыма – необычный серый камень, вмонтированный в оправу «зеркала». Изнутри камня шёл дым, и именно его Виль пытался разогнать своей лапой.

– Что-то горит? Может, принести воды? – испуганно предложил Кирилл.

Кот удивлённо посмотрел на мальчика и покачал головой. Спустя пару мгновений стало понятно, что Виль старался не зря: сквозь густую дымку в «зеркале» постепенно начал вырисовываться некий силуэт. Он был размытым и неровным, всё ещё окутанным дымом, но уже можно было разглядеть очертания мужчины с крючковатым носом и волосами, собранными в хвост.

«Это место не перестаёт удивлять», – подумал Кирилл. И действительно, на этом чудеса не закончились. Когда дымка немного рассеялась, силуэт открыл рот, и из него доносились звуки, словно кто-то пытался докричаться откуда-то из глубины колодца.

– Ты меня слышишь, Виль? – донеслось из странного «зеркала».

– Слышу, но старайся говорить громче! – ответил кот, продолжая размахивать лапой, словно пытаясь настроить этот необычный «канал связи».

– Здравствуй, Виль, я застрял в кх-гх-кх дольше, чем планировал, похоже тебе придется сегодня зайти к гх-кх-гх и забрать гх-гх-кх, и еще... – раздавался голос из «зеркала», но помехи были настолько сильными, что Кирилл едва улавливал половину слов. Порой какие-то звуки превращались в скрежет, от которого мальчику хотелось зажать уши. В другие моменты фразы звучали так глухо, словно совсем утопали в колодце, и разобрать их тоже было невозможно.

Однако, Виль, казалось, ничуть не смущался из-за качества связи. Он уверенно кивал, будто чётко понимал каждое слово таинственного собеседника, и лишь иногда повышал голос, чтобы переспросить то или иное указание. Из разговора было ясно, что Виль получает некий набор поручений, которые ему предстоит выполнить.

Наконец, когда все важные вопросы были обсуждены, собеседники попрощались как могли. После этого кот ухватился за дымный кристалл, вмонтированный в оправу, и ловко перевернул его так, чтобы «выход дыма» оказался внизу. Кристалл выпустил ещё пару колец серого тумана, а затем окончательно перестал «работать».

Некоторое время кот задумчиво сидел перед «зеркалом», словно переваривая полученную информацию. Затем он подошёл к письменному столу, вытащил из ящика свиток и аккуратно вписал в него новые инструкции, видимо только что полученные через дымный контакт. Закончив записи, Виль повернулся к Кириллу и заговорил:

– Послушай, парень, мне надо отправиться в город. Во-первых, мне нужны некоторые ингредиенты, чтобы вернуть тебя домой. Во-вторых, у меня появились новые неотложные дела, о которых ты уже догадываешься после недавнего разговора. Я считаю, что оставлять тебя здесь одного было бы неразумно. Зная твою способность влипать в неприятности и учитывая концентрацию предметов в нашей лавке, эти самые неприятности создающих, безопаснее всего будет, если ты пойдёшь со мной.

Кирилл на секунду задумался. С одной стороны, его слегка задело, что кот обращается с ним как с несмышленищем, которого нельзя оставить без присмотра. С другой – перспектива прогуляться по улицам такого необычного города, как Верьял, была чертовски заманчивой. Не раздумывая долго, мальчик выпалил:

– Звучит здорово! Я обещаю не создавать лишних проблем!

– Именно это мне и нужно, – тут же ответил кот, приподняв брови. – Веди себя осторожно и помни: ни с кем, кроме меня, не разговаривай. Это место может быть опасно для таких, как ты. И держись поближе ко мне.

С этими словами Виль предостерегающе посмотрел на мальчика, давая понять, что отклонения от предложенного плана могут плохо кончиться.

– Нам надо поработать над твоим внешним видом. Если ты появишься на улицах города в такой одежде, это сразу вызовет подозрения, – заявил кот с видом знатока.

Он махнул лапой Кириллу, приглашая его следовать за собой, и направился к шкафам, которые мальчик уже успел заметить по прибытии в лавку.

– Пойдём, я подберу для тебя что-нибудь из гардероба моего компаньона Аякса, – предложил Виль, чуть склонив голову набок. – Думаю, учитывая обстоятельства, он не стал бы возражать.

Глава 3. Верьял

Двигаться приходилось быстро, что поначалу огорчило Кирилла. Если бы у него было больше времени, он бы с огромным удовольствием остановился и рассматривал каждый дом, каждую витрину, каждую деталь – ведь всё здесь было настолько не похоже ни на его родной город, ни на те образы, что он видел в книгах и фильмах. Еще в лавке Виль выдал ему «неприметный» по здешним меркам наряд, и Кирилл сперва опешил, увидев, во что ему предстоит облачиться. На смену джинсам пришли просторные шелковые шаровары, кроссовки предлагалось заменить на лакированные высокие сапоги, а поверх футболки накинуть необычную льняную куртку, украшенную красивым, причудливым узором, вышитым синей нитью. Если бы он вот так отправился из школы домой, на него бы уставились абсолютно все прохожие. Но на улицах Верьяла его новый наряд выглядел вполне обыденно.

Город словно вобрал в себя наследие множества разных культур, аккуратно соединив их черты в гармоничную, но от этого не менее причудливую картину. Шагая по улицам, мощёным необычными деревянными плитками, он замечал, что в некоторых кварталах под ногами попадался и классический булыжник, а кое-где встречались узкие дорожки, выложенные крупными гладкими каменными блоками, которые были словно отполированы самим временем. Каждый перекрёсток удивлял своим характером: где-то дорога изгибалась, открывая вид на небольшой сквер с низкорослыми деревцами и кустарниками, подстриженными в замысловатые формы, а где-то мощёная улочка вела к широкой площади, залитой солнечным светом.

Архитектура Верьяла была настоящей симфонией стилей. Белый камень, казавшийся особенно ярким под ласковым солнечным светом, соседствовал с добротной тёмной древесиной. То тут, то там встречались дома, словно сотканные из двух материалов сразу: нижняя часть – из гладко отёсанного камня, верхние этажи – из дерева, украшенного резными орнаментами. Эти орнаменты поражали разнообразием и искусностью. Заманчивые растительные мотивы соседствовали со стилизованными изображениями зверей и птиц, причудливые геометрические узоры располагались рядом с тончайшими линиями, напоминающими ажурное кружево. Некоторые дома были невысокими и широкими, с просторными верандами, украшенными цветущими горшками и развешанными тряпичными флажками. Другие, напротив, тянулись вверх, словно стремясь достать до небес – на их верхушках красовались башенки с крышами, напоминающими по форме перевёрнутую каплю или даже луковицу, окрашенные в разные оттенки: от медного до ярко-красного. Некоторые купола сверкали на солнце, словно были отлиты из настоящего золота.

Фасады зданий, особенно каменных, иногда дополняли тонкие колонны, арочные окна и балконы с резными деревянными перилами. На балконах иногда можно было увидеть людей, которые неспешно наблюдали за улицей или переговаривались с соседями. Ветерок ласково шевелил лёгкие занавеси, кое-где свисавшие со стен. Тут и там мелькали вывески лавок и мастерских: одни сделаны из кованого железа с висячими элементами, другие вырезаны из дерева и расписаны замысловатыми орнаментами, а некоторые представляли собой настоящие художественные панно, рассказывающие о товаре при помощи картин.

Разнообразие нарядов жителей города ничуть не уступало разнообразию архитектуры. В одном и том же переулке можно было увидеть группу людей, одетых в строгие, хоть и архаичные костюмы тёмных тонов, а буквально за углом наткнуться на пару, облачённую в просторные кафтаны с изысканной вышивкой, напоминающей мерцающую роспись по ткани. Рядом с ними могла пройти женщина в длинном атласном платье с пышной юбкой и тонкой вуалью, а чуть поодаль – мужчина в просторном плаще с глубоким капюшоном, будто сошедший со страниц старинной сказки. Иногда Кириллу даже казалось, что каждый квартал – это отдельная маленькая страна со своими модами и традициями.

Всё это буйство красок и форм освещалось ярким голубым небом. Лучи солнца мягко ложились на белые фасады домов, словно подчеркивая их рельефы и узоры. В высоте кружили стаи мелких птичек, перекликались, наполняя улицы негромким перезвоном жизни. Иногда сверху доносился едва слышный шорох крыльев, и Кирилл, задрав голову, различал странные фигурки – то ли птиц, то ли мелких зверьков, парящих над крышами.

К этому моменту они с Вилем успели посетить уже несколько лавок. Первым делом кот отправился, по его словам, за «ингредиентами» для возвращения Кирилла домой. Они пришли в небольшой магазин, специализирующийся исключительно на кристаллах. Прилавки и полки там были уставлены десятками, если не сотнями самых разных образцов. Прозрачные и мутноватые, матовые и переливающиеся всеми оттенками радуги, вытянутые и шарообразные, плоские, крупные, едва ли не с голову Кирилла, и крошечные, словно горошины. Многие имели странные вкрапления или узоры, другие светились изнутри лёгким, почти незаметным сиянием. Виль изучил ассортимент с вниманием опытного эксперта, несколько раз о чём-то тихо переговорил с хозяином лавки – серьёзным мужчиной с аккуратно подстриженной бородой – и в итоге выбрал несколько кристаллов, каждый завернули в мягкую ткань и уложили в небольшую сумку. Ему показалось, что кристаллы напоминают те, которые он видел в странной машине под полом в лавке Вилия.

Продолжая путь, они всё глубже погружались в атмосферу Верьяла, и Кирилл не мог не заметить, что этот город буквально дышит торговлей. В одном квартале они наткнулись на лавку, где продавали исключительно пряности: стоило войти, и ноздри заполнял головокружительный аромат специй и трав. В другой лавке предлагали только бумагу и чернильные принадлежности: свитки, перья, чернила всех мыслимых оттенков и вязкости, переплетённые тетради и какие-то странные, напоминающие палочки, предметы для письма, покрытые таинственными символами. Чуть поодаль располагалась мастерская, где полировались разноцветные камни для украшений, а в маленьком полуподвальном магазинчике продавали тонкие свечи, каждая из которых пахла по-своему: одна – розами, другая – мятой, третья – горьковатыми смолами.

Но торговля шла не только в лавках. Похоже, любой, кто имел что предложить, мог просто поставить стол или прилавок под открытым небом и начать торговать. Кирилл видел торговцев, продающих фрукты, которых он никогда прежде не встречал: оранжевые плоды

с длинными усиками, светло-зелёные шары с прозрачной кожурой, сквозь которую можно было разглядеть мякоть. На другом прилавке красовались причудливые фигурки, вырезанные из дерева и раскрашенные яркими красками. Рядом торговец предлагал нечто, похожее на скрученные нити сухих цветов, которые при сгорании издавали приятный аромат.

Однако, настоящей неожиданностью для Кирилла стал один из первых уличных торговцев, на которого они наткнулись. Это был огромный чёрный кот, стоящий за простенькой деревянной стойкой, на которой рядами были разложены свитки. Сначала мальчик не мог понять, что именно он продаёт. Но стоило им приблизиться, как кот-торговец начал громко декламировать стихи нараспев. Причём делал он это так вдохновенно, что Кирилл подумал: «Вот что значит поэзия». Кажется, кот демонстрировал качество своего «товара», выхватывая из стопки свиток и читая написанные на нём строки. Можно было предположить, что кто-то, очарованный звучанием, захочет приобрести свиток с понравившимся стихотворением.

Виль прошёл мимо этого «поэта» -котофея с едва заметной улыбкой, не останавливаясь. Кирилл же с любопытством покосился на чёрного кота, пытаясь уловить смысл рифм. Но их путь лежал дальше, и каждая новая улица, каждый поворот обещали новые открытия и новые удивительные встречи.

И вправду, улицы этого необычного города не переставали поражать воображение. Когда они проходили мимо очередного прилавка, наполненного всевозможными порошками и пылью непонятного происхождения, Кирилл увидел сценку, которую уж точно не смог бы себе представить на улицах родного города.

Продавцом на этот раз оказался стройный кот с густой полосатой шерстью, хвост которого плавно раскачивался из стороны в сторону в такт его довольному настроению. Прилавков был уставлен десятками небольших баночек и мешочков, каждый со своей цветной этикеткой и странным символом. Некоторые были перевязаны шелковыми ленточками, другие имели отдекорированные деревянные крышки с резьбой, а у самых редких порошков на крышках были закреплены крошечные камушки или миниатюрные перья, словно это были не просто порошки, а настоящие шедевры порошкового искусства.

К прилавку подошёл любопытный покупатель – мужчина среднего роста в расшитой жилетке и широкополой шляпе. Видимо, он желал проверить качество «товара», прежде чем раскошелиться. Продавец-кот окинул покупателя оценивающим взглядом и, не говоря ни слова, ухватил одной лапой небольшой мешочек. Его содержимое он аккуратно пересыпал в мельчайшую ступку – такая миниатюрная, что Кирилл едва разглядел её ручку. Затем кот взял пестик и с плавной грацией, присущей только представителям его вида, начал растирать порошок в пыль. Стук пестика о ступку звучал тихо, но уверенно. Когда измельчённый порошок превратился в мелкодисперсную пыль, кот подцепил другую смесь – из соседнего мешочка, окрашенного в бледно-лиловый цвет. Осторожно смешав оба порошка, он поднял мордочку, проверяя, не потерял ли покупатель интерес, и, убедившись в его внимании, ловко подбросил щепотку смеси над головой любопытного господина.

Смесь рассыпалась крошечным облачком, и буквально через пару секунд Кирилл увидел, как человек начинает уменьшаться. Сначала это было едва заметно – ноги покупателя словно «проваливались» в его штаны, рукава одежды начинали болтаться, а шляпа постепенно опускалась ему на глаза. Но вот уже через несколько мгновений господин стал не выше самого кота ростом. Продавец, сидя на прилавке и свесив лапы вниз, разразился громким смехом. Между тем, уменьшившийся покупатель вовсе не был доволен превращением. Он начал орать, стоя теперь почти под прилавком, маша крошечными кулачками и грозя ими коту. Крики были такими тонкими и писклявыми, что толпа прохожих в унисон коту, зашлась звонким смехом. Некоторые зеваки остановились, чтобы взглянуть на этот забавный спектакль.

Кирилл не мог поверить своим глазам: такой демонстрации возможностей местных порошков он точно не ожидал, приняв изначально кота за какого-нибудь продавца ароматов,

коих ему не раз доводилось видеть в торговых центрах. Да и покупатель вряд ли рассчитывал на что-то подобное и точно был не рад. Спустя некоторое время кот-продавец, видимо посчитав, что повеселился достаточно, перестал смеяться, снова взял в лапу какую-то баночку и, посыпав содержимым того же сердитого клиента, вернул ему прежний размер. Покупатель судорожно поправил свою одежду, схватил шляпу, которая чуть было не осталась лежать на земле, и красный от стыда и злости скрылся в толпе, бурча что-то под нос.

Кот-продавец лишь довольно улыбнулся и продолжил своим мелодичным голосом приглашать следующего клиента опробовать «волшебные» порошки.

– Я будто в сказку попал, – выдавил из себя изумлённый Кирилл.

– Что-то вроде того, – ответил Виль так буднично, словно речь шла о погоде.

Мальчик нахмурился: непонятно, как трактовать такие слова. Ему нужно было прояснить ситуацию до конца, ведь в его голове уже созрел целый шквал вопросов.

– У меня складывается впечатление, что, пройдя через этот потайной проход, мы не просто преодолели огромное расстояние. Мы, кажется, вообще попали в иной мир. Не в переносном смысле, а в буквальном: здесь действуют совершенно другие законы природы, всё устроено не так, как у меня дома. Виль, мы действительно находимся в другом мире?

– Ну да, именно так, – без тени сомнения ответил кот.

Теперь в голове Кирилла закрутился настоящий ураган мыслей. Городские пейзажи, ещё минуту назад так его зачаровавшие, отошли на второй план. Главной задачей мальчика стало определить, в каком порядке задавать коту свои многочисленные вопросы, чтобы собрать в голове хотя бы приблизительную картину происходящего.

Он выбрал, пожалуй, один из самых нелепых вопросов, которые только можно было задать в такой ситуации:

– Почему тогда я могу понимать всех в этом мире? Почему мне знаком ваш язык? – спросил Кирилл. Правда, он немного лукавил: иногда звучали слова, которых он не знал, а структура фраз местных жителей казалась ему странной. Но при определённых усилиях он мог понять почти всё, о чём здесь говорили. Проверить, насколько местные поняли бы его самого, шансов пока не было – он почти не открывал рта, кроме как разговаривать с Вилем, следуя его рекомендациям. Однако Кирилл догадывался, что скорее всего и они смогли бы понять его речь.

Поначалу ему показалось, что кот решил оставить вопрос без ответа. Но Виль, судя по всему, просто обдумывал, как лучше объяснить нечто, что для него так привычно и не вызывает никакого удивления. Сейчас же требовалось взглянуть на вопрос глазами мальчика, ничего не знающего о здешних обычаях и истории. Наконец, кот заговорил снова:

– Неужто ты думаешь, что мы первые контрабандисты, которым пришло в голову использовать ваш мир для организации там «кармана шарлатана»? – бросил он риторический вопрос после долгой паузы, затем продолжил, чуть приподнимая подбородок, будто гордясь своей причастностью к чему-то великому. – Не скажу, что такие штуки встречаются у нас повсеместно, это под силу только хитрейшим и самым умелым в нашем деле. Но самому фокусу уже сотни, если не тысячи лет. Возможно, некоторые наши сородичи давным-давно забрели в ваш мир, привнесли туда обрывки языка или культуры. Я никогда особо не задумывался об этом. Но для меня очевидно одно: наши миры тесно переплетены. И проникновение идей, слов, привычек из одного в другой – дело не новое. Тебя это удивляет, потому что вы живёте в неведении о нас, а мы, напротив, уже привыкли незаметно гулять по вашим землям. Удивительнее всего то, что вы этого даже не замечаете.

– Ты сказал «контрабандисты»? – Кирилл снова удивился, как из множества вопросов, что роились у него в голове, он каждый раз выбирает самые бестолковые.

– Ну да, скажем так, не все вещи, которые попадают к нам в лавку, проходят официальное согласование с верьяльской таможней, – ответил кот, прищурившись так хитро, будто не особенно беспокоился о последствиях своих дел.

Следующий вопрос мальчика был настолько неудачен, что он тут же мысленно себя за него отругал. И всё же любопытство вновь взяло верх над здравым смыслом:

– Ты так переживал, что я проболтаюсь кому-то у нас в своем мире о том, что произошло, а теперь рассказываешь мне всё это?

Кот окинул Кирилла долгим, оценивающим взглядом, словно пытался понять логику, по которой тот отбирает вопросы. Но, немного помедлив, ответил без тени смущения:

– Я принял решение, что мы перенесём «карман» в другое место. Оставлять его в вашей школе слишком рискованно. После этого ты не сможешь отыскать проход обратно, так что хранить молчание о произошедшем будет исключительно в твоих же интересах. Как ты сам заметил, если ты расскажешь о нашей истории без каких-либо доказательств, тебя сочтут либо сумасшедшим, либо просто чересчур фантазирующим мальчишкой.

Какое-то время они шли молча. Кирилл, опустив голову, шагал рядом с Вилем и обдумывал последние слова кота. Сначала ему было слегка обидно: получалось, что кот не доверяет ему настолько, что решил перенести «карман» в другое место. Но за то недолгое время, что они провели вместе, мальчик успел проникнуться к Вилю искренней симпатией. Поэтому, поразмыслив, он предпочёл верить в более благородную мотивацию кота. Может, Виль таким образом хотел уберечь его от необдуманных поступков – не дать парню в будущем, ведомому любопытством, снова сунуться в этот мир или, что ещё хуже, привести сюда друзей. Ведь переход был рискованным, это Кирилл уже понял, а сам удивительный мир, куда он попал, явно хранил в себе немало опасностей.

По мере размышлений обида утихала, сменяясь пониманием: так будет лучше для всех. Даже для него самого. Кирилл на миг представил, что он знает путь к этому невероятному месту, причудливому городу Верьялу, но не может туда вернуться из страха или из-за опасностей. Жить с таким искушением было бы мучительно. А так, коль «карман» исчезнет, он сохранит воспоминания об этом невероятном приключении без постоянного соблазна повторить его. Поняв это, мальчик невольно почувствовал благодарность к коту. Виль, возможно, не хотел рассказывать об этом прямо, но по сути избавил его от тяжкого груза выбора – между безопасностью и неутолимým любопытством.

Постепенно, они добрались до обширной городской площади. Кирилл, погружённый в свои мысли, даже не сразу заметил, как изменился окружающий пейзаж. Виль, остановившись, жестом дал понять мальчику, что пора поднять голову и оглядеться. И когда Кирилл это сделал, он застыл в изумлении: перед ними простиралась огромная ярмарка, оживлённая, многоцветная и невероятно шумная. Люди, коты, и существа, которых Кирилл даже не мог сразу определить, толпились у прилавков и лавок, громко переговаривались, расплачивались и оживлённо спорили о качестве и происхождении товаров.

– Верьяльская ярмарка, – провозгласил Виль, словно экскурсовод, – работает только три недели в году. Нам повезло оказаться здесь именно в это время. Поговаривают, что тут можно приобрести абсолютно любой товар, причём из любого мира! – На этих словах кот хитро подмигнул Кириллу.

Мальчик, оторвавшись от раздумий, вновь ощутил жгучее любопытство и сразу же задал очередной вопрос, не дав себе времени обдумать его уместность:

– Любого мира? А сколько их вообще существует?

Он уставился на кота с неподдельным любопытством. Виль, видимо удивлённый столь прямым напором, слегка растерялся, но довольно быстро взял себя в лапы и мягко улыбнулся:

– Точной цифры, увы, не назову, – признался он. – Но на наших двух мирах всё не заканчивается. Есть и другие.

– А эти другие миры... они больше похожи на ваш или на наш? – не отставал Кирилл. – Понимаешь, у нас то, что я здесь увидел, назвали бы магией. Значит ли это, что наш мир – единственный, где таких чудес нет, или ваш мир, наоборот, уникален тем, что в нём они есть?

Виль задумался. На этот раз ему пришлось не просто подбирать слова, а выполнить непростой анализ для существа из другого мира, для которого все эти кристаллы и чудеса были бы настолько же загадочны, насколько для самого кота привычны. Кирилл терпеливо ждал, хотя эти секунды казались ему вечностью. Наконец кот заговорил:

– Послушай, малыш, я далеко не самый компетентный учёный или философ, но раз уж ты так горишь любопытством, я постараюсь тебе объяснить. Наши миры действительно очень похожи, но есть и важное отличие: в моём мире существуют особые кристаллы, в которых сокрыта огромная энергия. Именно благодаря одному из них – крайне редкому Пентакратиону, способному разрывать границы между реальностями, – ты и оказался здесь. Некоторые кристаллы совсем слабы: максимум, на что они способны, – это выдать сноп искр. Другие более полезны, как, например, Фумеосентус, при помощи которого я сегодня связывался со своим компаньоном на большом расстоянии. Но самыми распространёнными у нас являются кристаллы Сантьи, светящиеся голубым светом. Я уверен, что ты уже не раз их заметил: они тут повсюду, в фонарях, лампах, да почти в каждом доме. В этих кристаллах скрыта пластичная, податливая энергия, которую можно обратить в тысячу форм. Благодаря ней многие вещи, которые ты бы назвал магическими, для нас – обыденность.

Кот сделал короткую паузу, затем мягко улыбнулся и продолжил:

– Но не думай, что ваш мир совсем лишён чудес. У вас есть свои способности, просто вы их называете технологиями. Вы добываетесь всего сами, конструируете устройства, изучаете законы природы, ничего не прося у сверхъестественных сил. В разных мирах разное количество таких «энергетических камней». Чем их больше, тем меньше стимул развивать технологии, и наоборот. У нас много кристаллов – мы развиваемся по одному пути, у вас их почти нет – и вы идёте другим. Есть у нас легенда, рассказывающая, что изначально творец создал мир, полный волшебной энергии в камнях, но увидев, что существа стали ленивы и безынициативны, решил создать ещё один мир, в котором подобных камней будет меньше. И так он создавал всё новые и новые миры, всё более скудные на чудесные ресурсы, пока не добился желаемого – мира, где обитатели учатся всему сами, трудятся, создают, познают, не упоая на вмешательство свыше.

Закончив, Виль посмотрел на мальчика с вниманием и интересом, ожидая, как тот воспримет услышанное. Кирилл был искренне благодарен Вилю за столь обстоятельный и спокойный ответ. Почувствовав в душе облегчение и некоторое умиротворение, он начал смотреть вокруг более открытыми глазами. Чувство нереальности начинало отступать, и теперь мальчик воспринимал Верьял и его чудеса уже не как отрывок сна или выдуманной истории, а скорее как причудливую, вполне объяснимую действительность, которую ему посчастливилось увидеть.

Они находились на верьяльской ярмарке – огромном скоплении шатров, павильонов и временных торговых точек, раскинувшихся на широкой площади. Эта ярмарка напоминала целый город в городе, со своими улочками-проходами между палатками, мостками над небольшими канавками-стоками, а в воздухе витали тысячи запахов: пряностей и сладостей, древесной смолы, жареного мяса, ароматических курений и ещё чего-то неуловимо странного, напоминающего Кириллу далёкие восточные рынки из фильмов и книг.

Ярмарочные шатры были самых разных форм и размеров. Одни – крохотные, чуть ли не размером с небольшую палатку, другие – огромные, в несколько десятков метров в диаметре, пёстрые, с узорчатыми тканями, увенчанные декоративными флюгерами или кисточками. От некоторых шатров струились разноцветные флажки, соединяя верхушки палаток друг с другом, образуя над головами затейливый узор из лент и тканей. Где-то слышалась громкая

музыка – удары барабанов, звон колокольчиков, перекликающийся с лютней или чем-то похожим на скрипку. Из глубины других шатров доносился нестройный гул множества голосов, смех, громкие призывы продавцов и зазывал.

Но ярмарка была не просто рынком – многие павильоны здесь выполняли и развлекательную функцию. Кирилл заметил целую зону, где, судя по вывескам и эмблемам на тканях шатров, можно было увидеть представления, выступления артистов, акробатов и фокусников. Один такой павильон напоминал бродячий цирк. Афишные плакаты, выполненные с помощью выжженных на ткани изображений, обещали невиданные чудеса: танцующих ленивцев, разговаривающих птиц, кукольных гигантов и жонглёров, умеющих обращаться с огнём и ледяными шарами. Чтобы попасть внутрь и посмотреть представление, надо было купить билет у специальной кассы, над которой высилась вывеска с изображением медведя на велосипеде.

Именно к этой кассе стягивалась небольшая толпа зевак, и перед ними, чтобы привлечь зрителей, разыгрывалось бесплатное мини-шоу. Кирилл с Вилем подошли поближе и увидели медведя, одетого в забавный сценический костюм: полосатые штаны, короткий жилет с золотыми пуговицами, круглую шляпу, из-под которой виднелись пушистые уши. Этот медведь ездил на одноколёсном велосипеде – уницикле – и одновременно жонглировал несколькими бутылками. Кирилл вначале был поражён дрессировкой – ведь вид двуногого медведя, виртуозно выполняющего такие трюки, мог поразить воображение любого человека из его мира.

Однако, удивление перемешалось с новым осознанием, когда медведь, закончив свой номер, слез с велосипеда, отложил бутылки и, тяжело дыша, снял шляпу, чтобы вытереть пот с мохнатого лба. При этом он с вполне человеческой усталостью пробормотал что-то себе под нос, а затем повернулся к стоящему рядом силачу – здоровяку с огромными мышцами, удерживавшему в руках массивную гирию, – и попросил того на минутку подменить его. Силач без возражений шагнул вперёд и принялся демонстрировать публике свою физическую силу, подбрасывая гирию, словно игрушку. Медведь же тем временем пошёл за кулисы попить воды.

Кирилл опешил: выходит, не только коты в этом мире умеют разговаривать и вести себя как разумные существа. Медведь выглядел вовсе не как результат долгой дрессировки, а скорее как артист, которому это выступление – просто работа, пусть и требующая навыков и концентрации.

Мальчик и кот постепенно углублялись в сердце ярмарочного безумия. Виль, неумоимо двигая ушами, подёргивая усами и прищуриваясь, внимательно оглядывал павильоны, шатры и лавки, словно пытаясь обнаружить среди пёстрых вывесок и развешенных на верёвках лент какой-то особый знак или символ. Заметно было, что у кота есть определённая цель, но при таком масштабе ярмарки найти нужное место было нелёгкой задачей. Кирилл с любопытством выглядывал из-за плеча Виля и подмечал всё новые диковины: вот слева высокий тент, над которым реяли флаги с изображением неизвестных зверей; справа – громкая толпа вокруг лоточника, размахивающего сверкающим клинком и кричащего, что это «клинок из стали, выточенной на семи ветрах». Вся эта невероятная мозаика звуков, запахов и образов будто бы пьянила, делая попытки кота сосредоточиться на поиске ещё более сложными.

Шумная уличная суета постепенно таяла под нарастающий шёпот приближающегося вечера. В какой-то момент Кирилл заметил, что шатры вокруг становятся просторнее, расстояния между прилавками шире, а толпа редет. Видимо, они прошли центральную зону ярмарки насквозь. И тут, к удивлению мальчика, улица, запруженная торговцами и зеваками, незаметно вывела их к широкой набережной. Вернее, не просто к набережной – они оказались на стрелке, месте, где две полноводные реки соединялись, сливая свои воды в одну. Здесь высокие деревянные настилы, украшенные резьбой и лампами на кристаллах Сантья, образовывали причал, а дальше по течению, насколько хватало глаз, простиралась сияющая водная гладь. Отражения домов, башен и лодок играли в воде, смешиваясь с алыми оттенками заходящего солнца.

Солнце действительно уже клонилось к горизонту, и его лучи, ставшие мягче и теплее, словно обволакивали всё вокруг тонкой дымкой. Казалось, будто теплы, деловитый день сменялся сонным предзакатным вечером. Прямо перед Кириллом и Вилем раскинулся восхитительный пейзаж: на фоне зарумянившегося неба очертания верьяльских башен и куполов выступали тёмными силуэтами, а над водой плавали лёгкие туманные облачка, в которых нити солнечного света превращались в нежные полупрозрачные ленты.

Но удивительнее всего было то, что ярмарка и здесь не прекращалась. На стрелке, у самой воды, высились шатры поменьше и прилавки попроще, за которыми сидели уже более спокойные, размеренные торговцы. Здесь шум был тише, покупатели – более солидными, многие стояли со скрещёнными на груди руками, переговариваясь негромко, словно обсуждая важные сделки. Совсем рядом слышалось негромкое бормотание старого продавца, сидевшего на низком стульчике и раскуривавшего длинную трубку. Мимо проходили грузчики, нагруженные тюками, какие-то матросы в странных полосатых штанах и широких поясах, – они спускались к деревянным помостам, где швартовались корабли и лодки.

Порт, расположенный в этом месте, работал безостановочно, словно огромное сердце, перекачивающее товары из одного края мира в другой. Корабли разных размеров и конструкций приходили и уходили: одни с высокими мачтами и развевающимися выпелами, другие – плоскодонные, с большими трюмами для грузов. Кого-то разгружали прямо сейчас – работники в торопливой суете передавали друг другу ящики, бочки, тюки, а когда трюм пустел, судно сразу же отходило от причала, уступая место следующему, уже стоявшему в очереди. Этот нескончаемый поток товаров и судов, как будто поддерживал жизнь в городе, насыщая его новыми диковинами, редкостями.

Наблюдая за этим, Кирилл вдруг понял, что именно отсюда, с этой стрелки, сливаются пути не только рек. Здесь смешивались культуры, стили и товары, и каждый новый поворот головы открывал новую главу в книге чудес. А Виль, прищурившись, продолжал всматриваться в череду разноцветных шатров и флагов, словно знал, что то, что он ищет, находится где-то здесь, на границе воды, света и тени.

Теперь их путь по ярмарке пролегал вдоль набережной, что давало великолепную возможность насладиться волшебством местного заката. Солнце, опускаясь всё ниже, окрашивало небосвод в нежные оттенки розового и оранжевого. Его отражение в реке переливалось мерцающими всполохами, словно само солнце оставляло на воде свои золотистые автографы. Запах нагретой за день древесины, смешанный с прохладным бризом от реки, освежал и наполнял лёгкие мальчика жизненной силой.

Внимание Кирилла привлёк очередной транспортный узел, который они повстречали, минуя торговые ряды. Оказалось, что порт не был единственным местом, где сходились торговые потоки. Неподдалёку, ближе к краю ярмарочной площади, находилась просторная посадочная площадка для воздушных шаров. Ещё издали можно было заметить высокие башни и странные помосты, напоминающие строительные леса, обёрнутые цветными флагами. Со всех сторон слышался треск пламени и гул голосов встречающих и провожающих.

Кирилл увидел целый флот воздушных шаров, многие из которых уже спустились вниз, частично или полностью затушив пламя в больших жаровнях, служивших для нагрева воздуха. Другие, напротив, не касались земли: они швартовались к башне или помостам, напоминая гигантских ярких насекомых, зависающих в воздухе на мгновение, прежде чем их пассажиры покинут гондолу по специальным мосткам. Некоторые устройства были хитроумно сконструированы так, что шары могли оставаться в воздухе, а люди спускались по лестницам, не вынуждая судно приземляться. Это выглядело так, будто здесь продумали каждую деталь, чтобы путешественники могли быстро и удобно входить и выходить из воздушного транспорта.

Особенно привлекли внимание Кирилла шары, которые не пользовались традиционными жаровнями. Вместо котлов с огнём у них были установлены ярко-рыжие кристаллы, закреп-

лённые особым образом. Из этих кристаллов вырывался едва заметный поток странного, почти неосязаемого пламени. Казалось, что оно было чище и мощнее обычного огня. Еще более удивительными ему показались шары, которые обладали способностью резко менять скорость и направление движения. Кирилл увидел, как один из них, только что зависавший над площадкой, вдруг плавно ускорился и умчался прочь, против ветра, словно в его гондоле прятался невидимый рулевой, искусно направляющий поток ветра.

Мальчик сощурил глаза, пытаясь разглядеть детали конструкции и понять природу этого чуда: возможно, у гондолы имелись какие-то лопасти или крылья? Но, похоже, дело было не в механике, а в тех самых кристаллах. Он снова вспомнил слова Виль о том, что местные жители могут обращать энергию камней во множество форм. Неужели эти кристаллы могли создавать силы тяги, поднимать, ускорять, разворачивать огромный шар, как если бы на нём стоял мощный невидимый двигатель?

Кирилл взглянул на кота, пытаясь уловить реакцию на увиденное. Но Виль по-прежнему выглядел собранным и сосредоточенным на своих поисках. Возможно, для него это было так же привычно, как для мальчика автобусная остановка или аэропорт.

Калейдоскоп чудес не думал иссякать, и каждый следующий миг только подкреплял впечатление, что реальность этого мира безгранична. В небе, сначала крошечными, почти неувидимыми точками на фоне золотисто-алого закатного неба, а затем всё более и более ясно, появилась следующая примечательная сцена.

В центре летела огромная, ослепительно прекрасная птица, вся объятая пламенем, словно огненный шар, принявший форму крылатого создания. Её яркие оранжево-красные перья, казалось, состояли из живого пламени. Станным было то, что этот огонь, пропитывающий каждую её клетку, не причинял ей вреда. Казалось, будто огонь – её естественная среда обитания, в которой она чувствует себя так же комфортно, как обычная птица в воздухе.

С двух сторон от пылающей птицы летели воздушные шары, подобные тем, которые Кирилл уже видел, только теперь они играли роль не просто транспорта. От каждого шара тянулась мерцающая голубоватым светом энергия, тонкая и упругая, подобная лассо, охватывающая ноги огненной птицы. По одной нити – на каждую ногу. Это было похоже на магическую упряжку: шары, обладая возможностью подчинять себе направление и скорость, удерживали горящую птицу и тянули её к земле.

Когда они достигли посадочной площадки, шары начали планомерно снижаться, а вместе с ними и их пленница. Птица яростно билась, размахивая крыльями, осыпая ближайшие облака и воздух пламенными всполохами, но голубые нити оставались прочными и не давали ей вырваться. Наконец, вся эта странная троица приземлилась. Из корзин шаров с криками и указаниями повыскакивали люди. Одни принялись вбивать длинные железные колья в землю, другие бросали цепи через спину разъярённой огненной птицы, надёжно фиксируя её, как самого свирепого зверя.

– Не может быть, это же жар-птица! – с изумлением выдохнул Кирилл, едва переводя дыхание. – Я о таких только в сказках читал!

– Огонь-птица, – поправил его Виль, незаметно приподняв бровь, – и учти: как мы не первые, кто открыл «карман шарлатана» в вашем мире, так и ты не первый, кто случайно побывал в нашем. Не переоценивай богатство фантазии ваших писателей. Большинство их «выдумок» для сказок они подсмотрели здесь, – с усмешкой добавил кот.

Кирилл смотрел на завывающую от ярости птицу, от которой то и дело отлетали искры пламени, и понимал: всё, что он считал детскими выдумками и мифами, может на самом деле быть реальной частью этого мира.

– Ну наконец-то! Вот ты где! – выдохнул с облегчением кот, и в тот же миг направился к неприметной маленькой палатке поблизости. На вывеске палатки крупными буквами было

написано: «Изготовление печатей». Кирилл, краем глаза ещё следящий за суматохой вокруг огненной птицы, двинулся следом.

Внутри они обнаружили поистрепанного старичка в потертом жилете, который встретил их так, будто они были старыми друзьями:

– А, Виль, старый бродяга! Какими судьбами пожаловал? Что на этот раз нужно? – при этих словах старик хитро прищурился, затем понизил голос и заговорщически подмигнул: – Бланки верьяльской таможни? Я так приноровился их подделывать, что ни одна мышь не подкапается!

– Олаф, мой друг, тише, тише! Какие ещё бланки таможни, даже не знаю, о чем ты, – притворно смутившись, ответил кот, аккуратно приглаживая лапой свои усы, – всё, что мне нужно, – это простая шахтёрская лицензия. Ничего криминального, уверяю.

– Хм, шахтёрская лицензия? – изумился старичок, откинувшись назад и подозрительно оглядев Вилея. – Как ты на этом собираешься заработать? – Он снова понизил голос, наклонившись ближе к коту: – Есть какая-то новая схема? Может, мне войти в долю?

– Нет-нет, никаких схем на этот раз, – успокаивающе улыбнулся Виль, делая жест лапой, призывающий к спокойствию. – Мне просто нужно узаконить одну вещицу. Без всяких афер.

Кирилл стоял в стороне, недоуменно переводя взгляд с кота на старика. Видимо, их отношения были настолько доверительными, что старик посмел говорить о подозрительных делах прямо при новичке. Виль же сохранял невозмутимость, а старичок, казалось, искренне недоумевал, что происходит, но был готов помочь, пусть и не слишком понимая мотивы кота.

Процесс изготовления шахтёрской лицензии занял считанные минуты и напоминал настоящее колдовство, пусть и совершенно иного рода. Впервые за всё время Кирилл обратил внимание на инструменты, которыми пользовался Олаф. Перед стариком лежала целая россыпь острых гравировальных перьев, лупы с тонированными линзами, склянки с густыми чернилами всех оттенков – от глубокого индиго до насыщенного охры, а также шкатулка с разноцветными восковыми палочками для печатей. Всё это выглядело не менее изысканно, чем дорогое рабочее место какого-нибудь ювелира. Сам старичок, едва взяв в руки перо, перестал быть тем слегка потёртым и неприметным дельцом, каким казался на первый взгляд. В этот момент он стал мастером, сосредоточенным и уверенным, чьи плавные движения и точные мазки придавали документу безупречный вид.

Кирилл, взглянув краем глаза на результат, был искренне поражён: гербовая бумага украшалась сложным орнаментом по краям, а в центре с идеальной чёткостью был выведен текст лицензии. В нём фигурировали неведомые мальчику печати и символы, а внизу красовалась изящная восковая печать – витиеватые буквы, переплетения линий и мельчайшие детали отличались таким совершенством, которое он прежде ассоциировал лишь с музейными экспонатами или показанными в фильмах древними свитками.

Сделав последнюю аккуратную подпись и аккуратно отдувшись на ещё влажные чернила, Олаф с гордой осанкой протянул документ Вилею. Кот, казалось, и не сомневался в мастерстве старичка. Он быстро рассчитался, воспользовавшись какой-то монетой с чеканным профилем на одной стороне и со сложным гербом на другой. Олаф принял плату и, чуть наклонив голову, тепло простился:

– Помни, Виль, если у тебя появится новая схема – дай мне знать. Не забывай старого друга! – сказал он, подмигнув напоследок.

– Непременно, друг мой, непременно, – с лёгкой усмешкой ответил кот, пряча лицензию в небольшую сумку.

Кирилл и Виль вышли наружу. Запах красок, чернил и бумаги сменился знакомой смесью уличной пыли, ароматов пряностей и тёплого вечернего воздуха. Ярмарка продолжала бурлить жизнью, люди и существа всех мастей сновали между шатрами, и в этом кажущемся хаосе Кирилл уже начал различать некий уклад – порядок, понятный тем, кто живёт в этом мире.

– Наши сегодняшние мероприятия неожиданным образом слишком затянулись, – объявил Виль, слегка нахмурившись. – Пора нам возвращать тебя домой. Там, наверное, уже тревогу бьют: родители волнуются. Но перед тем как приступить к делу, нужно подкрепиться. Чтобы перенести путешествие, потребуется много сил, а чтобы силы были – надо поесть.

Слова кота навеяли на Кирилла печаль. День, полный невероятных приключений и открытий, близился к концу. Никогда прежде мальчик не сталкивался с таким количеством чудес за один-единственный день, никогда не видел столь диковинных созданий, таких необычных городов. И вот теперь, когда ему предстояло вернуться обратно в свою привычную, но от этого не менее сложную реальность, он чувствовал, как в сердце закрадывается горечь. Возвращение домой означало столкнуться с повседневными проблемами: с Артуром, Машей, всей этой неприятной историей, которую ему придётся решить самому, без чьей-либо волшебной помощи.

Да и к самому Виллю Кирилл успел привязаться. Кот был мудрым, находчивым, и, несмотря на свой образ жизни контрабандиста, добродушным в отношении к мальчику. От мысли, что они, скорее всего, больше никогда не увидятся, внутри что-то болезненно сжималось. Но кот был прав: нельзя продолжать бесконечные странствия здесь, пока дома родители с тревогой ждут его возвращения. Чем быстрее он вернётся, тем меньше беспокойства причинит дорогим ему людям. Кирилл опустил голову и тяжело вздохнул, приняв неизбежное и пытаясь собраться с силами перед последним этапом этого удивительного путешествия.

Перекус решили организовать прямо на ярмарочной площади. К счастью, неподалёку располагалось огромное шатровое заведение с громкой вывеской, обещавшей невообразимо вкусные и разнообразные блюда. Шатёр был, судя по всему, не только рестораном, но и местом для приятного отдыха – со всех сторон слышался негромкий говор, звяканье посуды, улавливались ароматы специй, жареного мяса и печёных фруктов. Пёстрые скатерти на столах, вышитые узорами, и деревянные резные стулья создавали уютную атмосферу, а в глубине зала разливалась тихая, успокаивающая музыка струнных инструментов.

Кирилл с Вилем устроились за небольшим столиком неподалёку от выхода, чтобы не задерживаться долго. Мальчик всё ещё ощущал в груди смутную тревогу и лёгкую грусть, потому особого аппетита у него не было. Находясь под впечатлением от предстоящего прощания и возвращения в свою привычную жизнь, он заказал всего пару простых блюд: что-то вроде тонких лепёшек, напоминающих блины, и салат из странных листьев, в некотором роде аналог привычной ему зелени. Казалось, он взял их больше для приличия, чем из-за голода.

Виль же, напротив, не стал мелочиться. К удивлению Кирилла, кот заказал целого огромного гуся, блестящего от собственного сока и специй. Мальчик было подумал, что это какое-то преувеличение или шутка, но нет – принесли настоящего, аппетитно пахнущего гуся, с хрустящей корочкой и ароматными пряными травами. Кирилл с трудом мог представить, что кот съест его в одиночку, но Виль без особых проблем справился с птицей, обгладывая косточки с завидным аппетитом. Процесс занял какое-то время, но кот не казался ни смущённым, ни переевшим – он выглядел довольным и расслабленным, словно исполнил важную миссию.

Когда с гусём было покончено, Виль попросил принести чай. Принесли большой, раскалённый самовар, украшенный резьбой и инкрустированный мелкими камешками, которые слегка поблёскивали в свете подвесных ламп. На самоваре, словно на ёлке, было развешано бесчисленное количество сушек: большие, маленькие, средние – целая гирлянда. Их аромат напомнил Кириллу о детстве, о доме, о чем-то спокойном и знакомом.

Кот разлил чай по маленьким чашкам с тонкими стенками. Чай был горячим, чуть вязущим, с лёгкой терпкостью и фруктовым послевкусием. Виль аккуратно отломил одну из сушек, целиком положил её в рот, с хрустом разжевал и запил чаем. Сделав глоток, он довольно заурчал, будто окончательно пришёл в гармонию с самим собой и с окружающим миром:

– Ну наконец-то... – произнёс он, откинувшись на спинку стула.

Кирилл удивлённо взглянул на кота. Что значит «наконец-то»? Он не уловил смысла. Виль, заметив вопросительный взгляд мальчика, пояснил с лёгкой улыбкой:

– Наконец-то наелся. Целого гуся не хватило, а вот сушкой наелся. Надо будет в следующий раз сразу сушку брать. Кучу денег сэкономлю!

Кирилл не сдержал лёгкой усмешки. На какое-то мгновение мальчик ощутил лёгкий прилив весёлого абсурда, который снял часть напряжения и печали, омрачавших его последние мысли о возвращении домой.

Глава 4. Капитан тайной полиции

– Скажи, Виль, а у тебя никогда не возникало желания остаться в моём мире? Он выглядит куда более комфортным местом для жизни, – поинтересовался Кирилл. Они уже почти подошли к лавке, где, должен был состояться ритуал возвращения мальчика. Кот на мгновение остановился и смущённо фыркнул, дернув ухом:

– В вашем мире? Ну, конечно же, нет! Знаешь, у нас здесь многие великие умы готовы были отдать что угодно ради новых знаний, ради понимания тайн мироздания. А наблюдая за обитателями вашего мира, я порой искренне поражаюсь: у каждого из вас в кармане – стоит только протянуть руку! – хранится вся мудрость и все знания, накопленные человечеством, всё содержимое библиотеки, вмещающей тысячи веков, и при этом... всем всё равно. Никто не жаждет этих знаний, не ценит их, не пытается постичь новое. В таких условиях я очень быстро потерял бы интерес к жизни. Нет уж, это не по мне.

Пока он говорил, они дошли до лавки. Виль выудил ключ из сумки и сунул его в замочную скважину двери. Однако замок, к удивлению кота, и так был открыт. Кот недовольно хмыкнул, слегка нахмурил брови и толкнул дверь. Кричаще оранжевый свет заката уже угас, вечерний синий полумрак опустился на Верьял, и теперь лавка выглядела совсем не так, как днём. Сквозь большие арочные окна внутрь просачивались синие сумеречные отсветы, и в отсутствии внутреннего освещения всё вокруг казалось потусторонним.

Как только они вошли, тишина в лавке стала ощутимо тяжелее, словно воздух вдруг загустел. Днём помещение было залито солнечными лучами, в нём царили тепло, уют и смешанная атмосфера мастерской и коморки коллекционера редкостей. Теперь здесь всё приобретало зловещий оттенок. Тени удлинились, резные узоры на полках смотрелись, как щупальца неведомых существ, а подвешенные под потолком странные вещи бросали на стены искаженные силуэты. Вечерний свет, что пробивался сквозь арочные окна, придавал комнате странную многослойность теней. Кирилл уже начал было привыкать к этой зыбкой атмосфере, когда услышал щелчок закрывающегося замка. Овернувшись, он увидел, что дверь за ними уже не свободна.

Перед дверью стоял высокий мужчина, одетый в строгий серый китель. Широкие плечи, прямой, выверенный до совершенства силуэт формы, с которой не свисала ни одна лишняя нитка. Он глядел на пришедших холодным взглядом, в котором читалась не грубая сила, а дисциплинированная твердость. Но взор Кирилла лишь скользнул по нему, потому что в тот же момент его внимание перетянула другая фигура.

Из-за одного из стеллажей вальяжно выступил человек, и с каждым его шагом мальчик чувствовал, как волосы на затылке поднимаются дыбом. Это был высокий мужчина с длинными черными, как смоль, волосами, которые падающими прядями обрамляли его грубое, изборожденное шрамами лицо. Шрамы эти были не просто метками боли – казалось, каждый из них хранил в себе историю столкновения с чем-то опасным и безжалостным. Подобные отметины не делали лицо ни героическим, ни отталкивающим, но придавали ему странную тяжесть, от которой по спине Кирилла побежали мурашки. Шрамы напоминали гравюры, вырезанные на холодном мраморе, свидетельство бесчисленных конфликтов, в которых этот человек, очевидно, не раз шел на крайний риск и выходил победителем. Его наряд был не менее примечателен: серый мундир с бронзовыми пуговицами сидел идеально. На таком человеке форма не казалась ни старомодной, ни декоративной – она выглядела вторым слоем кожи, естественным продолжением его уверенной осанки и властной манеры держаться. Поверх мундира небрежно наброшен длинный черный плащ, который касался пола. Он слегка шуршал при движении, точно хищник, держащийся у ноги хозяина. На поясе мужчины висела шпага с рукоятью, в которую был вмонтирован кристалл, отливающий мягкими оранжевыми бли-

ками. В полумраке лавки этот кристалл стал одним из немногих источников света, и его мерцание придавало лицу незнакомца еще более жуткий вид: при каждом повороте головы свет играл на неровностях шрамов, то и дело искажая их рельеф, словно пытаясь вылепить новые, ещё более жуткие черты. Но в этом человеке пугала не только внешность.

– Доброго вечера, господа. Надеюсь, вы не сочтёте наш неожиданный визит чрезмерной настойчивостью, – негромко начал незнакомец, приподнимая брови. – Увы, обстоятельства вынудили нас явиться без приглашения и в столь поздний час. Когда речь идёт о делах государственной важности, церемонии отходят на второй план, и нам приходится действовать незамедлительно. Чтобы проявить должное уважение, позвольте представиться: Капитан Зверс, начальник тайной полиции его императорского величества.

Когда незнакомец заговорил, в голосе его слышалась спокойная, почти обходительная вежливость, но за ней чувствовалось несгибаемое холодное намерение. Он не кричал, не угрожал и не размахивал оружием. Наоборот, он говорил тихо, даже учтиво, однако в этой учтивости не было ни капли искренности. Это была учтивость острого клинка, холодная логика молота, который неторопливо осматривает гвоздь, прежде чем вогнать его в дерево. Его присутствие наполняло пространство ощущением неотвратимой угрозы, заставляло чувствовать себя мишенью под невидимым прицелом.

Капитан Зверс сел за письменный стол с безупречной грацией человека, привыкшего иметь дело с ситуациями любого накала. В его движениях проглядывала уверенность хищника, который знает, что жертве никуда не деться. Поза была столь небрежно-расслабленной, что Кириллу она напомнила поджидающую кошку, которая может в любую секунду броситься вперёд. Но здесь кошкой был отнюдь не Виль, а сам капитан – от него ощущалось больше хищного превосходства, чем от кота, впавшего в ступор. Его тёмные глаза, казалось, проходили сквозь мальчика и кота, сканируя не просто их внешность, а намерения, мысли, страхи, слабости. Под таким взглядом у Кирилла внутри всё съёжилось, словно листок бумаги, сжатый нервной рукой.

Кирилл почувствовал, как страх, вспыхнувший было при мысли о возвращении к школьным проблемам, померк рядом с этим хладнокровным олицетворением власти и тайной силы. В его спокойной дикции и уверенной манере держаться слышалось: «Я здесь главный. Я решаю, что будет с вами».

Кирилл невольно бросил взгляд на Виля, надеясь увидеть хотя бы тень уверенности в глазах кота. Но Виль, обычно такой хитроумный и спокойный, сейчас казался окаменевшей статуэткой. Его глаза расширились от ужаса, а челюсть отвисла. Вид испуганного кота, который прежде казался мальчику опытным проводником в этом мире, убил в Кирилле последние крохи уверенности. Если сам Виль, проводник между мирами, контрабандист и ловкач, не может скрыть страха при встрече с этим человеком – что уж говорить о самом Кирилле?

В воздухе повисла напряжённая пауза. Зверс, кажется, наслаждался ею, словно дегустировал тонкое вино. Виль и Кирилл стояли как на иголках, не зная, что последует дальше. Наконец, капитан небрежно провёл рукой по рукояти шпаги и заговорил, словно продолжая какую-то прерванную мысль:

– Я так понимаю, вы – не кто иной, как Виль, тот самый торговец, который славится своей способностью достать любую, даже самую редкую вещь? Или, по крайней мере, таковы ваши собственные заявления. – Зверс приподнял брови и впился взглядом в кота, словно ожидая, что ответ сам вытечет из сжатого страхом горла Виля.

Мальчик почувствовал, как кот резко сглотнул. На краткий миг Виль выглядел так, будто хочет отступить на шаг, но затем он, собравшись с силами, заговорил, пытаясь звучать уверенно и непринуждённо:

– Да, господин капитан, вы правильно осведомлены. Я действительно Виль, тот самый торговец. Разрешите и мне задать вопрос? Позвольте поинтересоваться, что привело тайную полицию его императорского величества столь далеко от Брингильдена в наш скромный Верьял? Неужели интересы императора распространяются столь обширно, что вам необходимо лично посетить этот город? – Виль выпрямился и сделал легкий жест лапой, словно подчерки-

вая каждое слово. – У нас в Верьяле есть собственная стража, действующая под управлением консулата, и, надо признать, она прекрасно справляется со своими обязанностями. Неужели у вас нашлись особые причины для столь незапланированного визита?

В словах Виля слышалась попытка напомнить незванным гостям о правилах и порядках, действующих в этом городе, мягко намекая, что их присутствие – не просто неожиданно, но и нежелательно.

Кириллу на мгновение показалось, что в глубине глаз Зверса вспыхнула яростная молния. Его воображение уже рисовало сцену, где капитан бросается вперёд, выхватывая свой клинок, чтобы раз и навсегда поставить на место дерзкого кота. Но вместо этого Зверс лишь слегка наклонил голову набок и широко улыбнулся. Улыбка получилась странной, словно чужой ему, как будто мышцы лица не были предназначены для такого выражения. Казалось, что вместо настоящей улыбки на лице появилась жёсткая, кривая гримаса, от которой Кириллу стало ещё тревожнее.

– Видите ли, – начал капитан, продолжая удерживать взгляд на Виле, – наш император бесконечно мудр и дальновиден. Его интересы не ограничиваются просторами Брингильдена, они выходят далеко, очень далеко за его пределы. А что же касается городской стражи Верьяла... – Зверс сделал едва заметную паузу, словно смакуя последующие слова. – Здесь я позволю себе не согласиться с вашей оценкой. Если подобные вам беспрепятственно разгуливают на улицах, а не коротают дни за решёткой, то могу ли я считать, что стража действительно так эффективна?

Завершив фразу, капитан приподнял бровь, словно бросая немой вызов, приглашая Виля и Кирилла опровергнуть его слова или попытаться оправдаться.

– Мы ведём дела абсолютно честно, вы хотите обвинить нас в чём-то конкретном? – спросил Виль с таким искренним негодованием, что Кирилл почти поверил бы в его безупречную невиновность, если бы сам не видел дрожь в котиных усах несколько минут назад. Голос Виля звучал с наигранной обидой, он отыгрывал роль уважаемого купца, чью репутацию оспаривают на основании нелепых слухов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.